

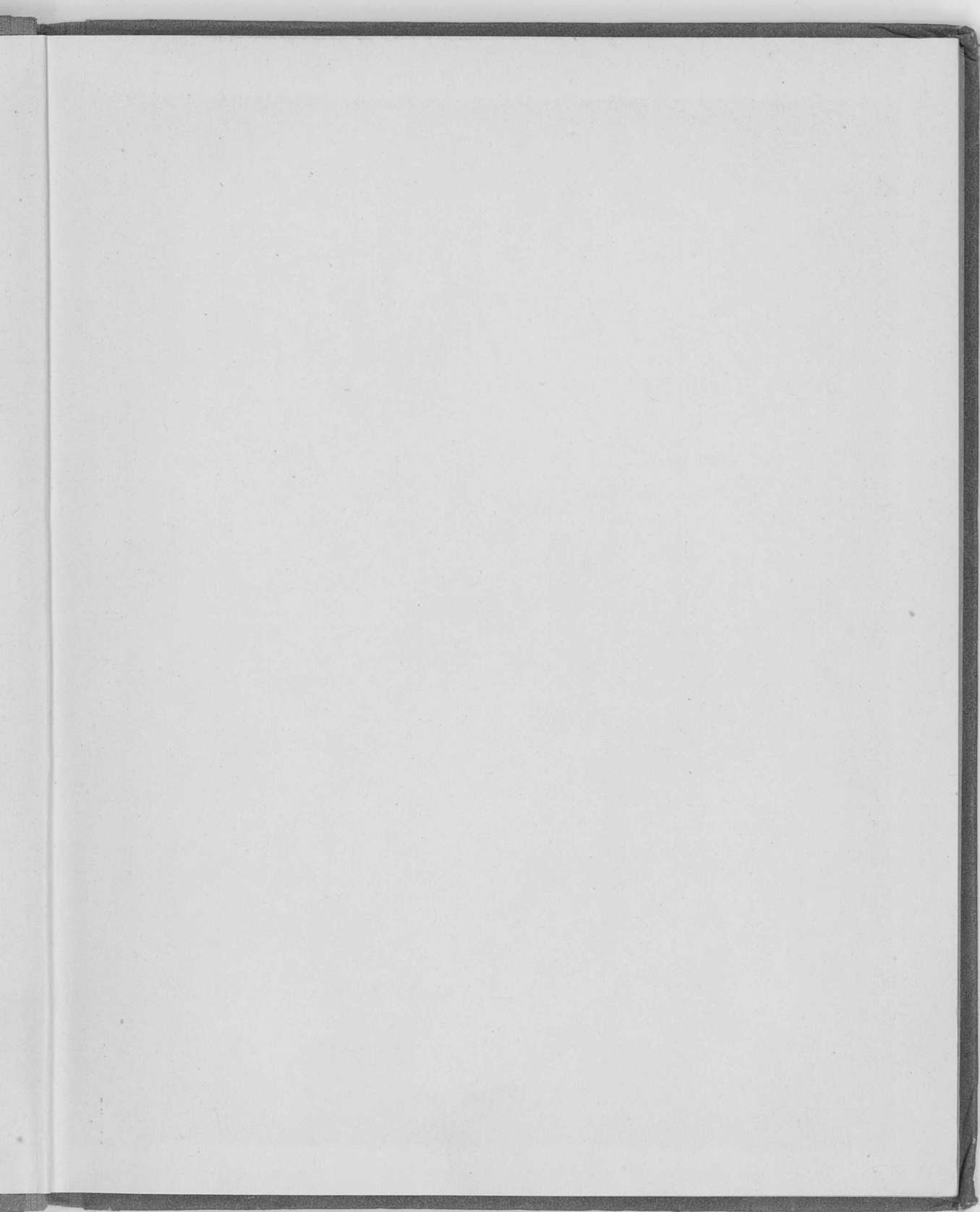
А. ГАЙДАР

Р. В. С.

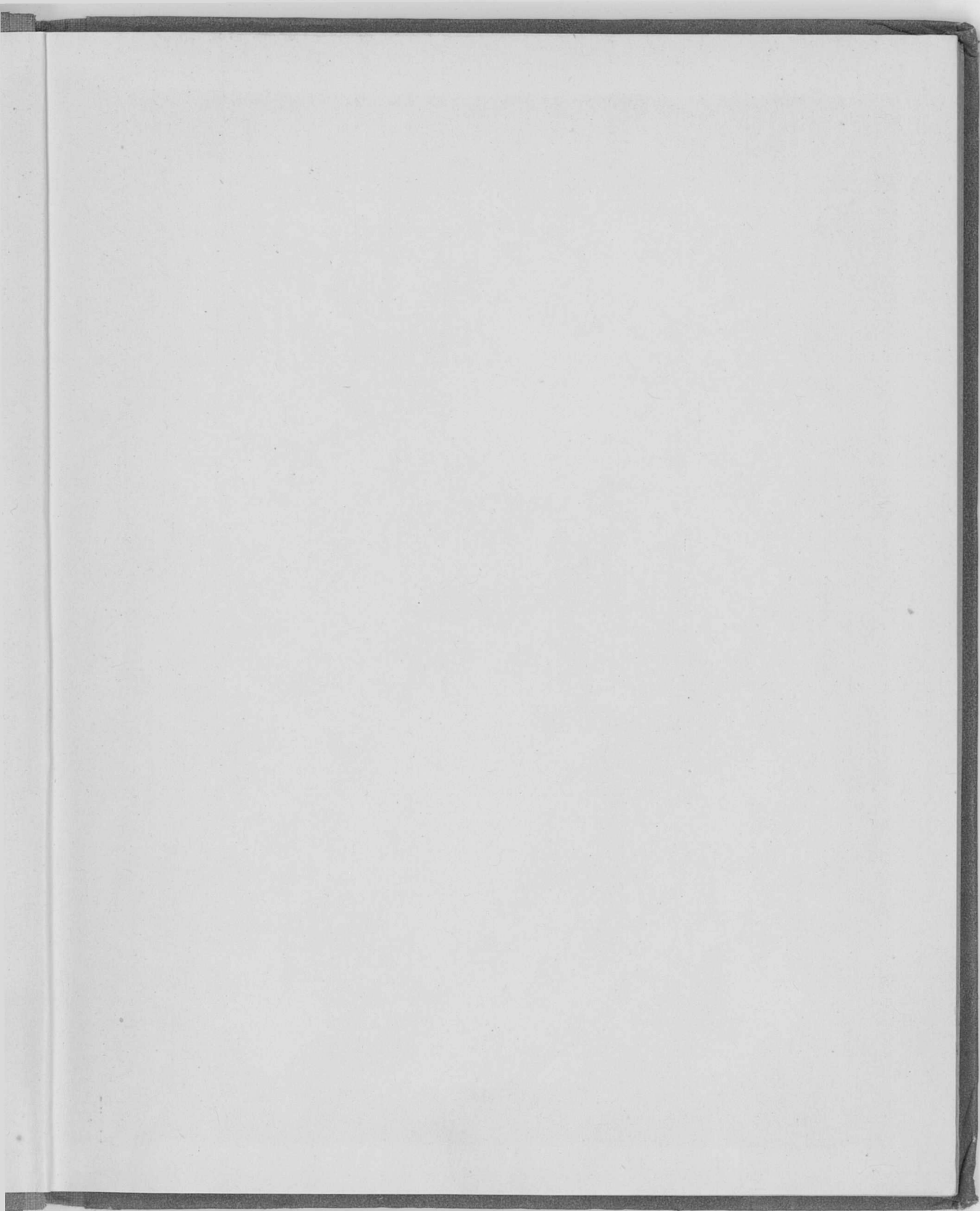

УЧПЕДГИЗ • 1950

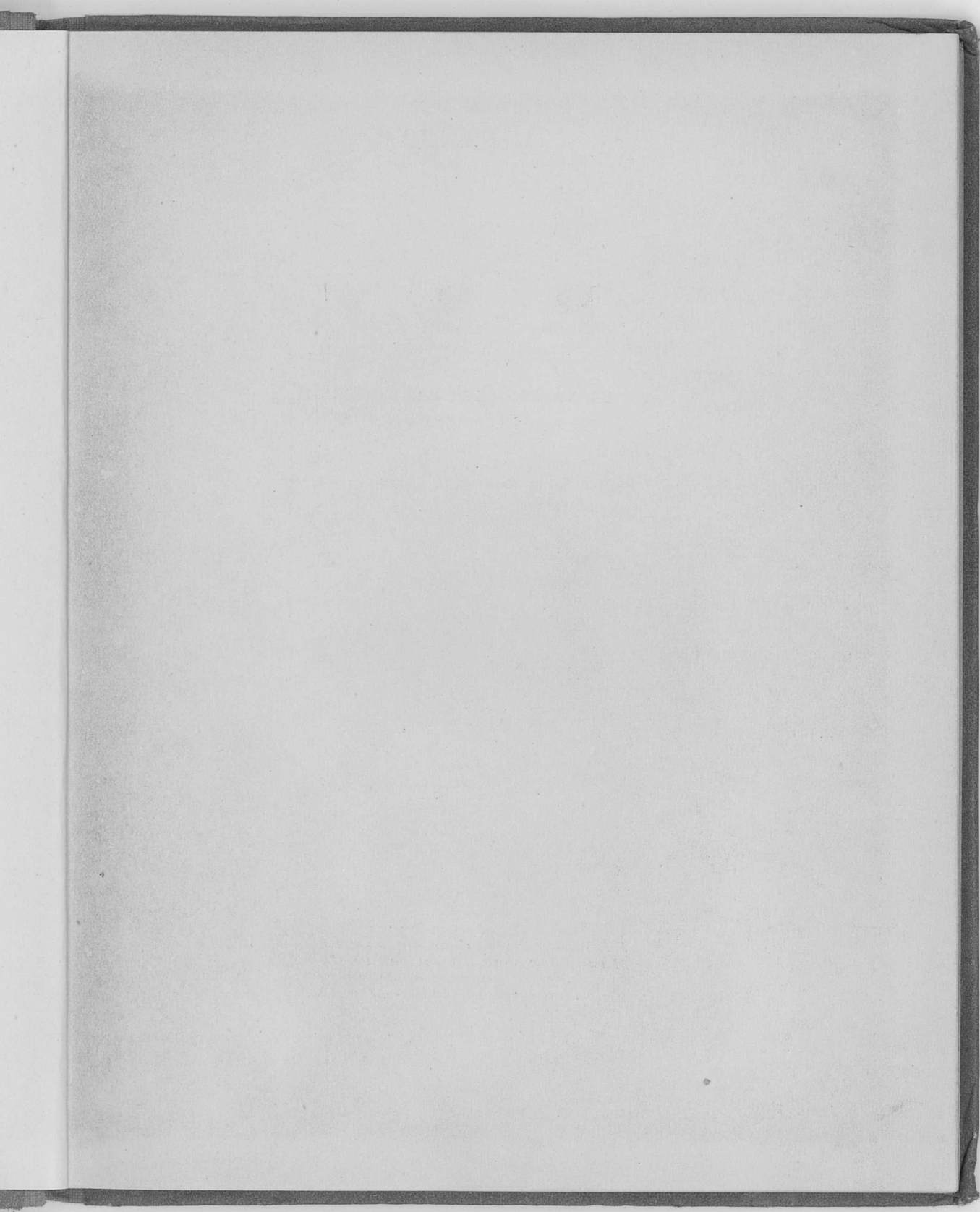

А. ГАЙДАР

Р. В. С.

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕВЁЛ
К. Н. ДАБИН

РИСУНКИ В. А. КУСТОВА

Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград · 1950 · Москва

Хант.
13-36.

А. ГАЙДАР

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Р. В. С.

ХАНТЫ ЯСЫНГА
Б. Н. ДАБИН ХАНШИС

РИСУНОКЫТ В. А. КУСТОВ ВЕРЫС

Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград • 1950 • Москва

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГАЙДАР.

Хой нявремыт эвыт тамись книгаит ант утыит, „Тимур и тув командаит“ иты муй па „Школа“? А хойны ант ки тунгытсаит, мосынг па, янас хоятт эвыт тыв отнгетны хутыс.

Там книгаит советской нявремыт мет мосты писательны ханшсаит—Аркадий Петрович Гайдарны. Тув путянг фамилияит Голиков, а книгайтат пата тув кимит фамилия пириис—Гайдар. Гайдар, ханты ясынгни ки лопта, там велтовны янгхты хоят, хой враг оша верты пата етпия катыйтта. Вот мунг Вурты Армияев и советской властв тамись дозорной тув нуптыт хуват утта кашасис.

Гайдар ин вуш антом... Тув тятъны сѣхыртис, советской мир верной пох иты, и туп тув книгайтат мунг етпевны норым ухтыны тоттит—нявремыт пата тув ханшим ар книгайтат.

Гайдар—Советской Родинаит шенгк така мостэ! Аты хун тув тухсыннг письмайтачны хатл ёшип вет сунгып хусые рисовайтис. Там хусыет питны тув утыпсэт отынгытэ, утыпсы отынгни там хусыетны пайтыя нумыста питыс, там хусыет питны ям хорамыннг книгаит ханшта унттыс. И там советской хусыет пата врагыт есят тятисман, тув ухыт понсытэ и интам отл тув почётной солдатской ойты лотны карты пант хосыны Канев вош ванпысны—Тарас Григорьевич Шевченко ойты лот ванпысны. Си тахи Полтавской областъны, Ляплево курт ванпыснышик утл, и там куртыннг нявремытны тув ойты лотл вантман, тавытман тайта, а товия йиты пораны хорамыннг лыпытны омыста.

Гайдар сэма питыс Льгов вошны 1904 отны.

1914 отны, хун тувет янг от ус, асет солдата вусы и немецыт есят тятиста китса. Но там тятъ тывты етпины Гайдар семьяит Льгов эвыт Арзамас воша маныс, и ай оттат вуш эвыт тув там Теша ёхан хонынгни омысты ай вошны ус и энмыс. Ванны Ока, Волга, Нижний-Новгород вош усыт. Сит пата си тув куттып Россия отнгыт шенгк мосман тайсытэ, си куш тув мунг странаев кашинг сунг мостэ и кашинг тахины—овысны, нумын и йит пелькны утис.

Хун Гайдар Вурты Армияя маныс, тувет туп нятхосьянг от ус, а хун тувет ветхосьянг от питыс, тув киевской командир курсаит

хоттыс и курсант отряд командира питыс. Революция врагыт есят арсыр фронтны тятисман, тув отынгны батальонны, а сятта и полкны командовайтс.

Гайдар Вурты Армияит хийта номыс ант таис и Вурты Армияны нуптыт хуват хисьта кашасис. Но 1923 отны, контузия ювпины, тув кашенга йис и запаса ханшман ус.

Сирны тув книгаит ханшта питыс.

Мет отынг ханшим книгаит „Р. В. С.“ ус. (Р. В. С.—там Революционный Военный Совет.) Там 1926 отны ус. „Р. В. С.“ тохытпи, „Школа“, „Тимур и тув командаит“ тохытпи, тув тамись ар арсыр хорамынг книгаит таит: „Хувын утты пелкыт“, „Тять ханя вер“, „Бабанщик судьба“, „Этыр хар аны“, „Чук и Гек“ и янас отыт.

Гайдарны мунг Вурты Армияев шенгк мосса и, тув уны подвигтат отынгны и мунг Родинаев врагыт есят тятисты отынгны потырман, тув и мунгыт мунг Советской Армияев така моста унтлыгытэ.

„Р. В. С.-ны“ Гайдар ханшл си хувын парым арт, хун мунг Вурты Армияев мунг ай советской властев тохе ювытта вугсийтты новотыт есят, гайдамакыт есят, петлюровцаит и бандитской отрядыт есят тятисыс. Там гражданской тять пора ус. Кат похлэнгки, Димка па Жиган, мунг Вурты Армияева врагыт есят тятиста нёттынгын и муша верым вурты командир сорым эвыт тытл элтытнгын. Хотсат нявремыт Вурты Армияя нёттыт, сит отынгны Гайдар потырл ювотынгны ханшим книгаитны—„Тимур и тув командаит“. Кашинг школьникны Тимур нумта. Тимур тухыстат питны красноармейцаит семьяита нёттысыс ситы, муй нёттысы нявремыт верта мошиттыт.

Ар миллион советской няврем Великой Отечественной тять утым артны версыт ситы, хотсат Тимур и тув командаит, и тыв тимуровца нэм вусэт. Тимуровцаит Родинаета враг победитта иситы нётсыт.

Тять отынгтым пораны Гайдар врагыт есят тятиста иситы маныс и тота „Комсомольской Правда“ корреспондента ус.

Отступайтым артэтны Киев хосьны частьл, хотя ус Гайдар, окружениея тикмыс. Тув вутсийтса самолётны мунг пелкева тута, но тув ант кашасис и па боецыт питны партизанской отряда маныс. Тота тув пулемётчика ус и мунг Советской Родинаев пата тятисман сёхыртс.

Р. Фраерман.

1.

Сыры паитны тыв нявремыт тангтыйтсыт сит пата, тутн мува тангым па еша лолымтым сараит кутны нарыйтта па хунгхысыйтта. Тата яма ус.

Хунтты немецыт, Украина вуйман,¹⁾ тыв пум па сонтых таттисыт. Но немецыт вуртотытны вошатсаит, вуртотыт—гайдамакытны, гайдамакыт—петлюровцаитны, петлюровцаит па хоятытны вошатсаит. И пум питы хатсим па тым паитны отта хасис.

А си арт эвыт, хун восты-этыр хары лентаны татым мильп атаман Криволоб, тата няты москаль па ий украинец त्याкыс, нявремыт там тахетны хунгхысыйтта па ханятытта иса кашты питсыт. И питы, шивтам па ювтым сараит омыста хасьсыт.

¹⁾ Там потырны ханшман си вер отынгны, хун Украины 1918—1919 отны гражданской тять ус.

Туп Димка тыв ванкутл ёхтыйтыс, сит пата, хоты тата моттыя шенгк рувынга хатл хошмыс, ворсемиг ловыс пус эптынга авыс па айтта посыт каты-вурты хорамыг лыптыт ухтыны шомийсыт.

А ветым ёх?.. Хоты тыв вуш хувын антомыт! Тыв ий лота тахсаит па муvны лап тэмсаит. А пирысь нуша Авдей ойка, хой эвыт ай нявремлэнгкет хурийтыт, кат юх эвыт так перна верыс па тувыт ханья ойты лот ухтыны тоньсьсытэ. Тув нэмхоятны ант вантса, а Димканы вантса. Вантсытэ, но нэмхоята ант лопсытэ.

Машкам сунгны Димка нох вотыис па лакка туса вантыис. Нэмотты паттап ант шиватман, тув сонтых кутны хирысыс па тотта кат патроныг обойма, винтовка шомпол па сотып такты самым австрийской штык ким лавытсис.

Отынгны Димка разведчика ёнтыс—шанш ухтыны вангкийтыс, а тавырт минутаитны, хун тув оша верынтсытэ, муй враг ванны, муv хар ухтыя отыйтыс и, уны тавтыпсы питны еты манман, хотсат враг шошемыс туса вантсытэ. Оит утты пата па муй па мотты верны, туп тамхатл тув оинга ус. Тув нэмхоятны ант уйман мет шопынга тайты враг постат хоси вана вангкта моxемыс. Па пушкан па пулемётыт эстыпсыны ёхты вошатман, а па йитны даже батареяит эвыт ётлта тьякман, муша ант ювман тувы шошета керыйтытыс.

Сятта, разведкая янгхым вертат номыса вуйман, тятя конница катыис па сыясьман тапыр пум кута сэврантыйтыс, матотыт геройской сорымны керыйсыт, ант кашасьман, мет уны враг нёрытыпсы эвыт ёхты хонтата.

Димка апыр мостэ и сютны хасим оттат плена вуинтсытэ. Сятта, „тотья“ па „рома утта“ команда мийман, тув плена вуим оттат пета кантыг потыр потыртта нармыт:

— Хой есят мантытты? Нангы рупитты ёх па крестьянин йивпохтын есят?

Муй па:

— Коммуния верта вутситы? Свобода мосмытыс? Законной властетн есят...

Там тув сиртны потырттыс, хун тув муйсыр армия коман-

дира ус. Сит пата си тув ситы ус, яна ки лопта, тув то ий армия, то кимит армияны утман-утман командовайтс.

Тув тамхатл си унта ёнтта наресыс, муй оша версытэ иньси, хун ёх вошатты мис пакыт рунгханьсип сый сымытыс. „Вотэ,—нумысэмыс тув.—Интам ангкемны си тьявтыптытаим, антом ки тэтотны ант хийтаим.“ И пушкантл ханятман, тув курнгыт муйкемны ёхты понантыс, си мар нумысман, муй вор потыр тутн верта.

Но, уны оит пата тув ант тьявтыпсы, и тувет вор потыр верта ант мосыс.

Ангкет тув петангыт ант кетмыс, муй Димкаит хась тув питлны тэпынг хот хосьны вотэмыс. Амет ими томантатны тьялыс, моттыя катра сах па иштан росах тэпынг хот эвыт ким вуйман.

Йивпохиет Топ тарынтман юх шукны ай лотые мув пайны хирыс.

Димка хоятны айтыя иштантл эвыт няремыса. Ёхты каремыс—па шукнга вантыйты пунынг Шмельл касятыс.

— Нанг муй, отшам?—нявлыка тув иньсьмыс па ротан касятыс, муй амплэнгкет патмыт моттыны васьман.

— Ангк! Хойны там?—кантинга Димка иньсьмыс.

— Я, тохе!—кантасьман тув йира керытман нюхмыс. Муй ма вантман хун янгхтым?

Но Димкая ошинга вуш ус, тув рохып потырл.

— Там икины сопекны хаться,—Топ нюхмыс.

— Муйсыр симись ики?

— Ики... сёрем ... тув мунг хотэвны омысл.

„Сёрем ики“ тьявтыптыты Димка овыт пуншмыс. Нору ухтыны солдатской гимнастёрка тумтым уны икишиви касятыс. Тув хосьлны казна эвыт миим хопшат шинельл отыс.

— Головень!—Димка умыся питыс.—Нанг хотся?

— Том пельк эвыт—ван потыр ясынг ёхты сасис.

— Нанг муя Шмелем хатсен?

— Муйсыр тота па Шмель?

— Ма амем...

— Антат тув хорытл. Антом ки, ма тув ухыт тохе ёвыр-мытэм.

— Нанг ухен тутн хоятны тохе ат ёвырма,—сама понман Димка ёхты нюхмыс и кур сая лангкымтыс сит пата, Головень ёш сята рантыттим тавырт сопек пета татысыс.

Димканы оша павытта нэмхотась ант мошитсыттэ, хотся Головень вуянтыс. Хотна там ванны тув вурты ёхны солдата вусы, а интам тув паси ётн. Ситы утта ант мошитл, тутн тыв служитты верет ван ус.

Етн тэвыпсы пораны тув пакты оматл хотамыс па иньсьмытэ:

— Нанг отпуска ёхытсын?

— Отпуска.

— Там кемын муй! Хува?

— Хува.

— Нанг, Головень вор потыр эслтын!—сэм есь Димка лопыс.—И вуртотыт хосьны, и востотыт хосьны, и новотыт хосьны интам хува ант эслтаит, туп сит пата интам тять йит. Нанг, итампн, дезертир.

Па ай мар кемны Димка саптыт эвыт така хатсиса.

— Муй пата няврем сэнгктэн?—Димка анкетны этты питса.—Уитсын, хой питны нют-ветта.

Головень сит киньси вурта йис, тув енгта ух поталэт, шохыратым патнгытны (муй пата тув и нэмтысы) рапсийта питыс, па тув атым турны кантынга лопыс:

— Хустышик утатн... Питерской рупитты ёх ... Тавыстытты, хун ма нангыт хот эвыт ким тахтыттам.

Сит юпины Димка анкет моттыя орымтыс па сэм йингк лыпатты Димкаит тьявтыптыстэ:

— А нанг, кул тэншек, хотта ант мустыт нётэн ат морхе, антом ки, тамиты хун нанген тикмыт.

Етн тэвыпсы юпины Димка тэпынг хотла тэвтысыс, тарасит сайны сонтых пай ухтыя отыс, анкет сахны лангкысыйтыс па, ант воимтман, хув отыс. Сятта тув хосьла айтыея Шмельл путлыс па ухыт Димка тангкыр ухтыя понсытэ.

— Ангк, асем хоси Питера мантымын.

— Эх, Димка! Ма тутны интам... Па ийя интам манты омат утл? Арсыр пропуск мосл, а сятта па ин том—том муй вер лакка.

— Ангк, Питерны муйсыр мир?

— Хойны тыв утыит! Лоптыт, метмотты вурты мир. Мосынг па, вор потыр. Ийя интам оша вергэн?

Димка кашасис, муй интам шоп оша верта тавырт. Вуш сит киньси муя куш ванны волостной курт, сит па хоты оша верта тавырт,—хой хосьны. Лопыттысы, мет тув там хаттытны Козолупны вуинтса... А муйсыр тув Козолуп, муйсыр партия эвыт тув?

Па тув нумыста питым анкет эвыт иньсьмыс:

— Ангк, а Козолуп восты?

— А кулны па тыв ат вутыит!—самыт сярыйман нюхмыс анкет.—Иса ханнэхоят утыпсы сирны утсыт, а интам мана сар...

Тэпынг хотны патлам. Пось поным ов хул мухты хусны тюка шошмым турым хар па новы тылысь сюнгк катыс. Димка маташик хирысл, тэсятыйтман матхатл ванттым осьхось утмыт еты па касятта. Воимман, тув хуттытэ, хотсат нют сюнгкыратым Шмельны тув саптыт туса хошмыттыта.

* * *

Этыр хар турым харны хатл эвыт патнгыт отынгтатны—новы вох иты туныйтыт. Вутнга отты харыт ухтыны тантыт етшисыт. Тунг хатл тэвын. Туп мир каркам. Хотты питы унт томпины сыинга пулемётыт тяканты сый сымытыс. Хотты отынг томпины сыйтыя пушкаит тякты сый сасис. И хотты кены велтовынг отряд манэмыс.

— Ангк, хой питны там?

— Ат кетма!

Димка кетымта вотыис, ократ хоси хухытмыс, ий ныр ухтыя хунгхыс па хува питты велтовынг ёх пета хув вантыс.

Си кутны Головень кантынга янгхыс. Кашинг пуш, хун куртые этты вурты отряд маныйтыс, тув хотты ханятыйтыс. И Димкая ошинг ус, муй Головень—дезертир.

Ий пуш Димка амет имины пум хота китса, тутн сахсы шуп па нянь ширам Головения тута. Ханя тахи хоси путлыман, тув шиватыс, муй Головень, тув петангыт шаншны омысман, моттытат тэсятыс.

„Винтовка!—Димка умысис.—Том кемын муй шивы! Сит тувет муй пата?“

Головень винтовка томантл тусашик мунгхыстэ, пушкан турл путыпны лап метшистэ и винтовкаит пум кута ханемыстэ.

Татынг етн па па моттыкем хатл Димка си умсит питны янгхыс, тутн ангкырмыта, муйсыр си винтовка: „Русь от—муй па немецкой? А мосынг па, тота и наган утл?“

Си артны лакка исат ромамыс. Вуртотыт Козолуп вошатсэт па па мотсыр фронта еты мансыт. Рома па шивтама ин ай куртыены йис, а Головеньны ин пум тайты тахи ювтыйтта питса па хотты хув мара тохатыйтта питыс. И там мотты етн отнга, хун сопра вақышны вурткама хатсим ай матынг тэкныс и пасты тохтып тяки нэнгыт етн йилынг тохытатны васьта питсыт, хун ай воежны йилынг тёвынг сыйны тэкымса, Димка пум хота манты каш верыс.

Овыт томанны понман ус, но Димка тувы тангты вус тайс—сиськурек хот мухты. Еты хатлтыты сохыт сехырмыс, ханаттым сиськурекыт сыинга хивыйта питсыт. Верым сыит эвыт паттамыман, Димка паста нох алэмыс. Пум тайты тахины шангка па рома ус. Сунг пета путлыс, хота пуна тытытым вурты путышка рантытис, и, тангыт итпины матыста нарымман, мотты сосым ота хойс. „Приклад!“ Хутнтыс: ократ тыпины нэмхоят антом. Ким татта питсытэ па винтовкаит иса ким татсыттэ. Наган ант уйтыс. Русь винтовка кемын. Димканы тув хув карытсиса, айтые вантман па матысман. „А муй тутн томантл нох пуншта?“

Тув пушкан томан нэмхунты ант пуншийтыс, но ванкутл вантыйтыс, хотсат солдатыйтны сит верынтта. Айтые татсыттэ—томан пангыт нохты миянтл. Тув петангыт морткема керытсытэ. „Хоштым!“ тув орхынга нумысыс, но сята тув сэма павытсытэ, муй пушкан томан итпины мотты тахи эвыт

патыр вох патрон нохты катымтыс. Тамины тув шимыт ронт тоньтлса, и тув лап тухырты каш верыс. Интам вураны еты певытл. Димка шиватсытэ, кемын патронл пайтыя пушкан тур пета певытл. Тув кашты нох тотимтыс, винтовкаит тув эвытэт еты хатхымман.

„И хотта певытл, кул!“

Итампн тэрматта мосл. Тув пушкан томантл лап тухырсытэ па пушканл айтые иси тахета метшита питсытэ. Хась па исат ханятсытэ, хотсат ов ротан пось пуншаньсис, и Димка етпины умыся питым па кантынг Головень венш катымтыс.

— Нанг, амп, муй тата вертын?

— Нэмотты!—пакынман Димка ёхты лопыс.—Ма отсым...—И ханяя винтовка прикладл пум кута курны хатхымсытэ.

Иси курымны сыйты, но так пушкан похнэмым сый сымытыс. Димканы Головень хонгхтэп эвыт хась иты павытса, нумытта муv хария восымтыс и картоф осит этты понантыс. Пант хосьны утым тымыс этты восымтыс куш, па неш канавая маныс, и хун нох торытыс, то хутмыстэ, хотсат па сира вутсим Головень тув ернасла каттысыс.

„Веттытэ!—нумысыс Димка.—И ангкем антом, нэмхоят интам си“. И, юр туняхны шаншл эвыт хойман, муй эвыт сэмнгыт питы топысны ховытса, тув муv хар ухтыя кериис, тэссятман там хойтэт том хойтэт.

Но... мотты эвыт пант марыйта питыс. Моттыя Головень ёшл вевтама йис. И хоят кантынга па партман хивемыс:

— Ат ханэ!

Сэмнгыт нох пуншим Димка сырыя тов курыт касятыс—шенгк ар тов кур.

Хоят юр ёшнгынны тангкырнгытат эвыт нох атымса па муv хар ухтыя тоньтлса. Туп ин шиватсытэ тувыт лакка вуим велтовынг ёхтат па питы костюмны утым велтовынг хоит вурты звезда питны мев ухтыны, матот етпины Головень тарыптыйман тотис.

— Ат ханэ!—ант уты хоятл нюхмыс и Димка сэм йингка питым венш ухтыя ангкырмыман, нётыс:—Ат сяла, пох-

лэнгки, и ат пата. Па тув нангыт ин и сяха па ант хантыттэ.— Ий хоятл пета ухыт кавысьхымтыс па отрядл питны ин па харытыс.

Ий хо хасис па кантынга иньсьмыс:

— Нанг хой симись?

— Шоши хо,—Головень омылатман нюхмыс.

— Муя армияны ант уттын?

— Кутэм ант этыс.

— Фамилияен?.. Ёхты пантэвны сар оша вертэв.—Товыт хомсины кутыртэ, и товыт тотти тахет эвыт восьмытыс.

И пант ухтыны хотна мет ошты питым Димка хасис. Ёхты ангкырмыс—нэмхоят. Тывпе тохпе ангкырмыс—Головень антом. Еты ангкырмыс па касятыс, хотсат вурты отряд точкаит иты кусыя керытым турым хар отынгны пита катл па харытл.

2.

Сэм йингклат сорсыт. Кашет айнаины маныс. Но ёх манта Димка патыс па ювын унта тавтысты номыс верыс, хун исат оттыт. Ёхан хонинга шушмыс. Хонинглат хосьны ай хашит итпины йингкыт патлам па овты ус, куттыпытны вурткам хуттышны туныс па айтые ёнтыс, ай кевып патэт хуват тёрыйман.

Том хонингны, никольской унт хонинг посьны, тут рат лытхамыс. Моттыя тув Димкая шенгк хувын па осьхось вохыпсэнга катыс. „Хой там тутн?—нумысыс тув.—Мосынг па ёш воет тавытты хоятыт?.. А мосынг, и ворнакыт! Тэтот кавырттыт, картопка сахсы питны, мосынг, па мотты симись от...“ Тув самыт шенгк вохса.

Римыхны тут иса катыя и катыя вуситыс, метмотты вуся верман похлэнгкия хувытта ханимтыйтыс. Но паттапынг никольской унт римыхны патлама катыс.

Юш хуват вохытман, Димка ротан нох тотимтыс, мотты осьхось кем от хутмыман: мывы томпины, ёхан хонингны,

хоят хорамынг сехыр турны моттыя осьхося, си куш хорамынга, ясынгтат ара понман ариис:

Товарищит, товарищит,—
Тывет тув ёхты лопыс,—
Ат утл Ра-си-яев!
Ат ут-тыт Советтув!

„А нанген тутн! Том хотсат ариит!“ ишикман Димка нумысыс па иты хухытман манта питыс.

Хонынг хосьны тув ай орым похлэнгки касятыс, матот пантытны туттийтым сумка хосьны рантыттис. Курым хутмымет пуш, томет арийта нох вотыис па хурийман Димка пета ангкырмыс.

— Нанг муй?

— Нэмотты... Аты!

— А-а!—томет нюхмыс, метмотты ёхты лопым яснгытны мустысы.—Нют-ветта, кемын, ант питтын?

— Му-уй?

— Нют-ветта, лоптым... Антом ки ванта! Ат ватта си куш ма ая каттым, а ситы вертэм...

Димка нют-ветта и ант кашасис па тувы иньсьмыстэ:

— Там нанг арийсын?

— Ма.

— А нанг хой?

— Ма Жиган,—ёрынга томет нюхмыс.—Жиган вош эвыт... Там нэмтым нэме.

Мув харыя юрыт муйкемны нахемыман, Димка шиватсытэ, хотсат похлэнгки паттамыман йирны хатымыс.

— Уксим нанг, жиган хун... Ийя жиганыт тамыся уттийтыт? А вот ары шенгк туса арийтын.

— Ма, йивпохие, арсыр ары утым. Станцияитны эшелонит хуват ийвотап арийсым. Всё равно хоть вуртотыта, хоть петлюровцаита, хоть хоия... Товариштува так, лопта ки, сиртны „Алёша-ша“, муй па буржуит отынгны. Новотыта ки, сята сиртны янас от мосл: „Йисны утсыт вох тахтэт, и утсыт нэпек тахтэт“, „Расея сомытыс“, ну, а сятта „Яблочко“—

тувыт сит кат пельк пета арийта рахыт, туп ясынгтат янас сирны арийта мостыт.

Хусты утсангын.

— А нанг муй пата тыв ёхытсын?

— Ма пернысым сята, пиришь ими Онуфриха. Ма ну-мыссым тылысь кем тутн сахсы акмыттыта. Хотта том! Тутн, допыт, нанг тапыт этты, кат тапыт этты тата антат усн!

— Сятта хотта?

— Хотты пета. Хота ямшик.

— А хота?

— Хота? Тутн ута ки, сиртны муй! Уитта мосл.

— Жиган, атынга ёхан хонынга ёхта. Рахыт унгхатны катлта питтымын!

— Ант тэпыттытэн? Яна па ёхыттым!— томет ёхты нюхмыс.

Тымыс этты торытман, Димка патлам ократ тыпия пут-лыс па карнис ухтыны омысты ангкет шиватсытэ. Тув шу-шемыс ангкет хоси па, охшамыт эвыт татман, сомыт нюхмыс:

— Нанг, ангк, ат тявта... Ма нэман хув ант йисым, сит пата—Головеньны ма шенгк така сэнгксаим.

— Шимыт нанген!—тув, йира керытман, нюхмыс.—Ситы хун мосмат нанген...

Но Димка тув ясынгтатны шук, мук, шаттипсы хуттл, но кант туп антом.

* * *

Ий пуш Димка ёхан хонынга шукнга-шукнга ёхтыс.

— Хонтатмын, Жиган!—тув ясныт ус.—Хотты пета ху-вашик татта понанттымын, яна!

— А нанг ангкены эслтаин?

— Нанг, Жиган, ошты! Хун хонтатыт, сиртны нэмхоят эвыт ант иньсисыйттыт. Головень кантынг, нют-ветл. Ма эт-тангем ангкем па Топем вошаттайнгын.

— Муйсыр Топ?

— Ай йивпохлэнгкем. Янгхтэтны тув осьхося пурмантл, сит пата ситы нэмтыса. Па и сит исат ант мустыт. Я, ин муй ётн?

— Хонтатмын!—каркама Жиган потыртта питыс.—Манэм муй ант хонтата? Ма тутн интам. Эшелонитны актысьта питтымын.

— Хотсат актысьта?

— А тамиты: ма мотты арийтым, а сятта нюхымтым: „Иса тюпынгыта ит поик, нынэтн тутн фронт антат ус, туп ий каш. Кат фунтны няньны, шахем минипны ат масыйты, пантны пулемёт, пушка тякыпсыя антат тикымсы“. Сята хотсат няхта нарымтыт, си кемны милэн нох вута мосл па нюхымта: „Гражданьт! Си ямат ям вератн ай няврем рупута сохыптатн“.

Димка умысис, хотсат Жиган кенья па шангкап там ясынгат потыртис, но симись утыпсы тувет антшик мустыс, и Димка нюхмыс, муй сит киньси яма питл мотты отряда доброволеца манта, нангы отряд верта муй па партизаныта манта. Жиган ант вурасьтыс, и сиртны, хун Димка ям потырны вуртотыт отынгны потыртис, „сит пата—тыв революция пата тотьсыт“, кемынга йис, муй Жиган вуш вуртотыт хосьны служитыс.

Димка тув петангыт умысьман ангкырмыс па нётыс, муй ситы хотты и востотыт хосьны, „сит пата муй тыв ар тунт тэтыт“. Сита па кемынга йис, муй Жиган и востотыт хосьны па уттис па ийвотап тувет питты порцияит хатл тунт шупны получайтыйтыс.

Хонтамыты верет хув па туса нумысман веретн. Жиган ясынг—хонтата интам, ёх па ант тангтыйтта,—шангкап тохе понман ус.

— Отынгны нянь вута мосл,—Димка нюхмыс.—Па ийя хот эвыт этта, и манта актыста. Па сятта серанка...

— Пут сох ки тутн ям. Картопка харны хирсын—нанген и тэтот си!

Димка номытсытэ, муй Головень так вурты вох путсох тус. Аметны тув хоимны нох тыстамтса и, хун тув сурыйта питыс, тэпынг хота ханятсытэ.

— Туп лап тухырман, а томантл панны туттитэ.

— Сит я муй!—Жиган нюхмыс.—Кашинг томан итпевыт мосты итны хотымтэн, уйтыпсэнга утта мосл.

Кашасьнгын тэтот интам сопастыта нарымта. Димка лопыс сараит хосьны сонтых кута ханятта.

— Муй пата сараит хосьны?—Жиган вурасьтыс.—Мосынг па хотты пета... Антом ки восинг отыт пунгытны!

— А нанген муй восинг отыт?—няхынг ясынгны Димка иньсьмыс.

Иси хаттытны Димка айтат сахсы ширам тус, а Жиган—нэпека туса ёвыртман хутым серанка юх.

— Арны ант рахыт,—лопыс тув.—Онуфриха тайтэт арат кат хошап, мосл ситы, тутн оша антат версытэ.

И там минута эвыт хонтаты веретн исат решитман ус.

* * *

А лакка утыпсы кат-кута ус. Хотты ванны уны фронт маныс. Ваннышик мотты арат аим-китым, айшик фронтыт. А лакка красноармеецыт бандаит ювпины нюхтысьысыт, па муй бандаит красноармейцаит ювпины, муй па атаманыт тывы рота нют ёт-порсяньссыт. Атаман Козолуп так ус. Вурасинг венш сякыт утты мормыт менытман отыс, а сэмнгыт вотэмшик сэм хутимнгыт итпевыт тавырта вантсангын. Тыкнг атаман! Кул иты, вор, Лёвка атаман. Тув и товыт няхыт, новы пенгклат шашман, ий ситы хотсат и тув. Но си вуш эвыт, хун тув Козолуп ёш итпевыт йирны питыс, отынгны антшик уты кем, а сятта и тыны рота отынгты сёхлэнгыта питсангын.

Шоши мира Козолуп приказ ханшис: „Лёвка мир пата сахсы ант мата, товтат пата пум ант мата, отты пата хот ант мата“.

Лёвка няххытыс, кимит от ханшис.

Вуртотны китнта тунгытсайнгын. Хутмит от ханшсыт: „Лёвка па Козолуп закон томпины тунгытта мосл“—и си. А ар тывет ханшта ант мосыс, ант етшисыт, сит пата тывет мет мосты фронтэт шенгк менытыс.

А мотты симись от манта сята питыс, муй и оша верты вурек антом. Вуш муй пата Захарий ойка! Хутым тятьны ус,

А и то, хун вурткам амплэнгкет хоси матотл кусь петлю-
ровецны атты кешетны патл тохе сэвырмысы, муv пая ом-
сыйтыс, потыртыс:

— Аппа артшиви!

Тамхатл востотыт ёхытсыт, хус кем хоят. Кат хоят Го-
ловень хоси тангтыйсангын. Лавлыхсысыт па анэтны куртынг
самогонка яньссыт.

Димка ай ократ ов эвыт умысьман вантыс.

Хун Головень маныс, Димка хувын самогонка эпыт оша
верта вутсийттэ, хасим оттат анэт эвыт ий аныя няхрайсытэ.

— Дим-ка, манэм!—сял кемны Топ тялымтыс.

— Хийтэм, хийтэм!

Но туп тув анэт тутла хомпылмыстэ, хотсат, полшинг
тякман, ким тукус.

Тув сараит хосьны Жиган этты ёхытсытэ.

— А ма, йивпохие, вер утым.

— Муйсыр?

— Мунг хотэв шаншны востотыт пант этты лот хиртыт,
а муй пата кулны и ат утыит. Итампи, тутн нэмхойт антат янгхыс.

— Муй омат си па ант янгхта?—сомневайтыйтман Димка
нюхмыс.—Сята мотты янас от. Ситы хун, как мотты отнгатл.

Сопастын вантта мансангын. Тыв хотна шимтыт: кат
сахсы сюнгк, кавыртым нёхы сюнгк па янг кем серанка.

* * *

Си етн надеждинской хар ухтыны хатл уны вурткам
лакны турым хар отынгны эхтысыс па айтта лангкыс, ант
тэрматман, метмотты вутынг муv харны умысьман.

Хувын никольской унт пося хоим Ольховка куртны
моттыкем пуш шангкан хатсийтса. Но паттапынг сыйны хун,
а оса, нямка-нямка. Па хун тюк, торийты сыит сонтыхны
лангкым тангтыт тунга Захарий ойка пат вуша ёхытсыт, тув
ант хуттийтым ром сыита еша умысьмыс и, антшик тэрмат-
ман юрпыттыман, वोся питым карнес хоси така омсыс. А хун
омсыс, сирны нумысыс: „Муйсыр хотэвыт симись емынг хатла
питл?“

И ишни юхны сэнгкта вотым Захарий ойка иньсьмыс, ким анкырмым пирысь ими эвыт:

— Горпина, а Горпина, хотэвыт мунгев муй тапыт ух хатл?

— Хоты нанг, ассыв кул?—контасманшик танта тытытым Горпина ёхты лопыс.—Ийя среда ювпины тапыт ух хатл уттит?

— Хоты ма ий ситы куш нумыстым...

И Захар ойка антшик куш веритыс, ат муй тув юрпытыс и атым мотты муй там сый.

Вотые хоис, вотэм ангын туштат ревемысаит. И Захар ойка касятыс, хотсат ишни эвыт умыся хоим имет моттыя ким вантсыт. Нявремыт ократ ов сай эвыт этмысыт, а хар эвыт мотты хув, осьхось сый сымытыс, метмотты бык муй па мис кулэмыс, туп шенгк сыингшик па хувшик.

Уо-уу-уу...

А сятта ротан мет йилинг хуват мошемыс, мет аскот тавытты хар ванпысны тьякты сый сымытыс...Ий унтл ишнет лап лангкымсаит, курт хар эвыт нявремлэнгкет сомытсыт. И пакным ойка ики нох тоття и хот хатымыта ант мошитыс си унта, хун тув петангыт Горпина ант хивемыс:

— Нанг матысыйта сар, ассыв кул! Муй нанг ант утэн, муй отнгатл?

А си артны Димка самыт пушкан тьякпысы иты ласыйтыс, и тув курт хара этмыйта вутсийтыс, тутн оша верта, муйсыр тота пись. Тув еша хуриис, сит пата, хоты анкет венш нова хатсис па хусты, янас турны нюхмыс:

— Ота... Димушка, хот харыя ота. Сорни хатл, тутн пушкаит эвыт антат тьякта питсыт.

Топ сэмнгыт уна-уна йиснгын, и тув хот хара потыс, ухыт пасан кур хоси метшиман. Но отта тувет атым ус, и тув хасьшик сяльман лопыс:

— Ангк, ма хот харны па ант оттым, ма кур тангыта оттым.

— Ота, ота! Ин гайдамакны ки ёхыттаин... тув нангыт сар!

Си минутаны мотты шенгк похнэмыс, ситы туп ишни лыс савлымтыс, и Димка шиватыс, мет мув нох торхымтыс.

„Бомбаит тахтаит!“—нумысыс тув па хутмыстэ, хотсат пита хатсим ишнет тунга пурманты сый питны па увман мотты-кем хоят хухтыс.

Иса ромамыс. Па сёс шуп кем парыс. Хоят тэпынг хотны кувремыта питыс, тявытмыс, таты ветрая вотамыман. Ов пушаньсис, и ёх пушканынг муинг Головень тангыс.

Тув моттыны шенгк канмыттыман ус, сит пата, ий унтл umpы тэт йингк яньсемыман, винтовкаит кантынга сунга сарытыс и, кантл ант ханятман, нюхмыс:

— Ах, тувет тутн!..

* * *

Туп атынганы нявремнгын хуньянсангын.

— Жиган!—Димканы иньсьмыса.—Нанг ант утэн, муй эвыт матхатл... Хой питны сит?

Жиган сэмнгыт тыны рота суремыснгын. И тув ёрынга ёхты нюхмыс:

— О, йивпох! Матхатл мунг хосевны и вер ус...

— Нанг туп вор потыр ат эста! Ма ведь вантсэм, хотсат нанг осит сая хонтасн.

— А муй сирны нанг утэн? Мосынг, ма лакка!—контасис Жиган.

Димка ант куш веритыс, но нох вотытсита туват ант питсытэ.

— Машина ёхтыйтыс, а тув Ольховканы нох тэсятса. Туп тув тотта, а Гаврила-дьякон шангконтл: бум!..—значит, ай кет верыс.

— Я!

— Я, вот нанген и я... Курт хоси ёхтыс, а тув петангыт пушканыт эвыт. Тув ёхты куш, кемын ократ вуш лап тухырман.

— И хой катлса?

— Антом... Тота симись тякыпсы атымса, и ант па ва-намытн. А сятта ваттыт—верет атма, и ара пара... Сята тыв и тяксаит. А ий хоят хонтас. Бомба ва-анпысны ювтыс, Онуффриха хот хосьны ишни лыстат иса рава йисыт. Тув

ётлта пушканны тьякта, тув ювпетны нюхтыстыт, а тув тымыс этты, ократыт этты, и си хонтас.

— А машинайт?

— Машинайт и интам тота .. туп ант мустыт, сит пата си, хонтатэт етпины, ий хоятны гранатаны ювытса. Иса шу-катса... Ма вуш янгхсым... Марья Федька ма етпемны вуш вуспейтыс. Шухты воет тотымсытэ. Резинкайт тапылмытэн, а тув хотсат сехырмыт!

И татынг хаттэн хуват ин потрен ус, матхатл вер отынгни. Востотыт ювын кемны мансыт. И па си ин ай куртые власть такты хасис.

* * *

Си кемны хонтамыпсы вер сохынта вутсис.

Хасис интам путсох тотымта, муй и решитман ус: хотэ-выт етн уны карты тунгкны сэнгкым юх посны огорода этты ай ишни мухты татта.

Жиган обедаетта маныс.

Димкая ант омсантыс, и тув сараит хоси тувыт тавытта маныс.

Сонтых ухтыя иси путянг рантымыс куш и апыртта куш нармыс, тавтысман куш итьяя наптантты Шмельл эвыт, но сора нохшик тотимтыс, шимыт пакынмашик. Тув шиватсытэ, метмотты снопат моттыя янас сирны ара тахсайт, мотты тувы сиртатны. „Муй хоят нявремыт эвыт уттис? Вот ку-лыт!“ И тув шушемыс, тутн нох вантта, хоятны си тахет, хотя тэты сопастат ханятман ус, оша ант муй верса. Ёшлны матыстэ—антом, сятаит! Ким татсытэ сахсэт, серанкайтат, няньтл. Нёхета куш ёшл хоиттыс—антом!

— Вот, кулыт!—тявытмыс тув.—Там сит Жиган тохытпи нэмхоятны ант тэсы. Хой нявремыт эвыт ки тутн, сит тутн иса тэсыт.

Сора и Жиган катымтыс. Тув инси обедайтыс, а сит пата кашингашик ус и ай кашл кемны шухман шушис.

— Нанг нёхи тэсн?—Димка иньсьмыс, кантынга тув петангыт вантман.

— Тэсым!—томет лопыс.—Э-эптынг...

— Эптынг!—тув петангыт канмым Димка нармыс.—А нанг хойны парсаин? А хота симись ястыпсы ус? А пант ухтыя муй?.. Вот ма нангыт ухен эвыт хун ёвытмытэм, сиртны нанген и эптынга питл!..

Жиган умыся хойс.

— Там ма ётн хоты ободайтмемны. Онуфриха ям ном-сыт ёхтыйтыс, щитат эвыт нёхи шуп татыс, у-уны!

— А татта хойны вусы?

— И иса ант утэм.

— Турыма нютта.

— Турым сэмат! Ин тутн манэм там путянг муv мухты ат сомытта, вусэм ки.

Но сит пата, хун муй Жиган муv мухты „там путянг“ ант сомытыс, муй па сит пата, муй понипсэт уны вурась питны отгэ, туп Димка решитыс, муй там пуш туv вор потыр ант верыт. И, сэмнгытны сонтых ухтыя ангкырмыман, туv Шмельл вохсытэ, ёшл юх шуп хоси татман:

— Шмель, я юва сар тыв!

Но Шмель ант люпитыс, хун ситы туv питлны потырсyt. И, кеты маншита ювытман, тывыт ит эслман, туv иси путянг ий пелыка каремыс.

— Туv нетгэ,—кантасьман Жиган нюхмыс. Ин шупен муйсыр са-ахсэнг ус!

Иса нохтыщик ханятсангын, сохытны понсэтн и кармисьны нёрытсэтн.

Сятта хув отсангын, еты утты писинг уттыпсэтн отынгны потыртман.

— Унтны тут рат хонынгны хотта... ям!

— Туп ювын патлам,—шатитманшик Жиган лопыс.

— А патлам па муй? Мин хосемынны пушканыт питтыт, мин па и мины...

— Ин, веттаймын ки,—Жиган паси нармыс и шопынга нётыс:—Ма, йивпох, ант люпиттым, тутн ма ветсаим.

— Ма иситы,—Димка сознавайтыйтыс.—А том лотэнны—я муй... ин том оттан иты,—и туv ухытны ревемыс

тохе, хотя वोсяяшик тотти перна туп-туп патлам кут эвыт туп катыс.

Си номыттыпсыны Жиган пуниратыс и хутмыстэ, муй етн йилынгни мет хасьпа иськияшик йис.

Но, ям поха утта кашасьтэт пата, тув аты нюхмыс:

— Шоп, йивпох... А мунгев сята ий пуш вер ус...

И потрыт менымтэ, сит пата си ин Шмель, Димка пунгыта отмет, ухыт нох атымсытэ, моттыя патнгыт шашсытэ и тавтысманшик па кантынга орийта питыс.

— Нанг муй? Нанг муй, Шмелие? — хурыйман тув Димканы иньсьмыса па ухыт васькемыса.

Шмель хусты питыс и йитпа ухыт курнгыт кута понсытэ.

Мингхыр вой эпыт хутл, — тэпийман Жиган лопыс и, нэман усэмыман, нётыс: — Димка, ёх манта мосл.

— Интам. А муйсыр нангетн вер ус?

Но Жиган вуш вер кема хун питыс, и си тохытпи ин, муй вор потыр эслта тув вутсийтыс, ухыт эвыт ким ракныс.

— Мантымын, — Димка кашасис, амытман, муй Жиган потрыт еты потыртты каш ант верыс.

Нох тотьсангын. Шмель па атмысыс нох, но иси путянг ант маныс, а сонтых хосьны нох тотис и хурэнга хорытмыс йитпа мет хоятны патлам эвыт ханатта.

— Мингхыр вой эпыт хутл! — ин Димка лопыс.

— Мингхыр вой? — мотсыр турты турны Жиган ёхты лопыс. — А муя па сыры тув тыв эпыттат ант хутыс?

И хустыя нётыс:

— Моттыя иськи. Димка, хухытмытмын сар!

* * *

— А том хонтым большевикен, хоты пета курт ванпысны.

— Хотся нанг утэн?

— Аты, нумыстым! Ма интам Онуффриханы Горпина хоси катыйтсаим, тутн аны шуп кем соты саймая вута. А си хатл тув тымысл эвыт ернас тохатыс. Ма ёхытмемны хоят тявыт-

ты сый тэпынг хот эвыт хуттым: „... И хоят, — лопыт, — мотсыр ернасл нырыт итпия воськыс. Мин я Егориха питны ванттымын: тув маншиман и шимыт ки тутн, а хоты исат“. А Захарий ойка хутнтыс-хутнтыс па и потырл: „О, Горпина...“

Сята Димка пета ангкырмым Жиган тыштыман нох вотыис и, хун тометны ант пакман потыртта партса, тув паси отынгытэ.

— А Захарий ойка и потырл: „О, Горпина, нанг си ямат ям вера, нятмен хувашик ханеме“. Сята ма хота тангсым. Ванттым, утас ухтыны маншим па иса каты кута тытытым ернас отл. И хун маныт касятсытэ, тув ухтэта Горпина иси курымны омсымтыс и партыттэ: „Мие тувыт, ойка, аны шуп кемны“, а тув нох ант тотъл. А манэм муй, ма и си тохытпи вантсэм. Ситы си, нумыстым, там большевик пуляны хойса.

Хусты утсангын, аты рота хутым айкетэтн нох нумысман. Йитэтны мет ант хатысты па шопынга ий тахия вантты, сэмнгыт вася нямыратсангын. Кимит отэтны паста тыве тохе янгхта питсангын па мет аты нямкемыснгын.

И Димка нюхмыс:

— Там муй, Жиган, нанг па си ямат ям вера хусты ута. Хоты ар си вурты мир мунг куртэв хосьны йитны-йитны ветсаит.

* * *

Хотэвыт атынгая хонтаты ястыпсэтн понман ус. Татынг хатл Димка мет тувыт ант ус. Аны мотты омат шукатыс. Шмельл тыва пурмыс и хась па ворсеынг эсым йингкып сохта пут ёх тангты пирысь амет ими ёшнгын эвыт ит павытсытэ, муй пата и Головеньны така хатсиса.

А мар маныс. Сёс юпины сёс, хатл куттып, обед парыс, етна йис.

Огородны ханемыснгын, тымыс хосьны бузина сайны, и тавтыста питсангын.

Сырыяшик тын омыссангын, и хотна хув то йитэтн, то

кимит отэтн двор шупа шушсангын. Ювотынгны Головень ёхтыс, анкетны Топ вохса. И карнес эвыт увта питыс:

— Димка! Диму-ушка! Хотта нанг тохатсын?

„Тэта!“ тув артатмет, но сый верта, ант па и нумысыс. Анкет тотис-тотис па маныс.

Тавтыснгын. Томесман этсангын. Хар хот астана хосьны нох тотимсангын. Ишни карысьны ус. Ёшнгынны шаннгыта вортысым Димка макыратыс. Жиган тув шаншла хунгхыс и айтта анкырмыс.

— Сорашик нанг! Ма шаншем кев эвыт хун.

— Патлам шенгк, — тёпийман Жиган лопыс. Уны вевны пупсохыт тахрымман, тув петангыт татсытэ па ит эстымтыс.

— Утл!

— Жиган, — Димка иньсьмыс, — а колбасаен хотся вусэн!

— Тота пу-унгытны тойис. Хонтатмын сорашик!

Апрынга ий пелька тангемыснгын, но тымыс томпины номытмыснгын, муй вуныпны верым юхетн астана хосьны ёремысэтн. Димка — ёхты. Юхыт каттымтыс па ротан касятыс, муй умсинга тув петангыт тымыс вуса ухыт метшим Топ вантл.

Димка юхыт па колбасаит питны ситы ошатытты йис, туп нох сайкатыс сиртны, хун Топны иньсьмыса:

— Нанг муй пата койбаса тотымсын?

— Хоты ант тотымсэм, Топ. Там мосл, — тэрматман Димка ёхты лопыс. — Сиськилэнгкет тапытта. Нанг, Топ, сиськилэнгкет мостыттан? Сиськи-сев-сев!.. Нанг туп ат лопа. Ант лоптэн? Ма нангыт хотэвыт ям карты тунгкны матэм!

— Сиськилэнгкет? — шопынга Топ иньсьмыс.

— Па-па! Турым сэмат!.. Тыв ант тайтыт... Лэнгки!

— И карты тунгкны матэн?

— И карты тунгкны матэм... Нанг ант лоптэн, Топ? Антом ки, сиртны и карты тунгкны ант матэм и Шмелька питны ёнтта ант матэм.

И хусты утты ясынг хутмет пуш (но тувы рота си ота шенгк ант па ямастыс), Димка ант пакман тавтысты Жиганл хоси алэмыс.

Паста римхымтта питыс, и, хун тын сарайтын хоси пут-
сөхэтн па колбасаэтн ханемыта ёхытсангын, патлама вуш ус.

— Ханятэ тэрмат!

— Мие! — И Жиган тангыт итпи хула тангта питыс. —
Димка, тата патлам, — хурийман тув тёпиис. — Ма нэмотты
ант уиттым...

— А, осьмаренг, тэпыттыйтн нанг, муй ант уиттэн! Вуш
пакынсын!

Тув сам тангыс. Патлам кутны Жиган ёш матыссытсэ па
хутмыстэ, моттыя тув торыит.

— Нанг муй? — иньсьмыс тув, хутман, муй паттапыт и
тувет ёхытта питыс.

— Тота... — и Жиган такашик Димкая каттысыс.

И Димка патлам сарай тыпи эвыт тыве йиты ёх ермыт-
тыты энгыт туса хутмыстэ.

Ин еты секунданы, увман иты хатымыснгын па пант, па
лот, па юш ант аръятман, китнта паттамыман хотты хонтас-
нгын.

3.

Димка там ювын воимтта хув ант мошитыс. Айнаины тув
ухытны мотты сыр номсыт ховытта питсыт: „Мингхыр воет...
Хойны нёхи тэсы?... Ернас... энгыт... А муй, тутн?..“

Тув хув хотты рантыис па ий па ёхтым номсыт тохе
утшита нэмхотась ант мошитыс.

Атынга тув вуш сарайтат хосьны ус. Сонтыхтат тохе
хатхымтыс и вусла тангемыс. Ар хул мухты тангым хатл
ёшит таты сарай патлам эвытсыт. Хота сарай ов утта мосыс
ангкытат иты рохыньсыт, и омсантым тангтытны машья
тангты лотл лап павытса. „Хотты сята“, Димка нумысыс па
вангкта питыс. Шукатым па няр кармыси пай сая каремыс
и, пакынман, нох тотимтыс. Сунгны, сонтых ухтыны, веншл
иты поным ханнэхо отыс. Сый хутмыман, тув тупшик ухыт
нох атымсытэ и ёшл сята керытсим наганл хоси тустэ. Но
сит пата, муй сёмтатны тув ювытса, муй па па мотты пата

туп, туймым сэмнгытны сомыт ангкырмымет пуш, тув туйтат наганл курык эвыт нох вустэ и, нохшик атмытман, тур сыит тохырман, тупшик нятмыт перъятман, нюхмыс:

— Яньсьта!

Димка курым еты верыс. Новы венокып хусые сурэмыс, и Димка хасьпа умысь эвыт ант хивемыс, хун мушмыттым хоятлны ант уты хоятл оша версытэ, хун тометны Головень ёш эвыт ёх няремысы.

Ин паттапат иса хотты мансыт, туп си хоятла шатипсэт хасис, хунтты шенгк така тув патангыт тотим хоятл.

Путсохыт атэмым Димка ёхан хоси йингка хухытмыс. Ёхты хухытметны, тув хасьшик Марья Федька питны вотамыс, матот анкета йингки вуш татта нётыс. Димка сорашик хаш кута тукус и тотта вантсытэ, хотсат Федька айтта шушта питыс и, умысьманшик, ухыт тув пелкыта каремыс. И анкет иси курымны тавырта ювемым корзинаит хутмыман, кантынга ант ки хивемыс: „Я туве сар, кул тэншек, муй нанг ёвыргытн?“—Федька тутн ант па пакыс: нох вантта, хой сит тэрмат курымны хаш кутны ханемыс.

Димка ёхытметны касятыс, муй ант уты хоятл сэмнгыт лап лангкман отл, и айтта патымнгыт нёхаттыт, мет хоят питны утмесман потырл. Димканы тангкрыт эвыт нёхта, и, хун томет сэмнгыт нох пуншсытэ, тув етпетны тотти похлэнгки касятыс, метмотты ай нях мук нох сорым патымнгытны ховытыс. Йингк яньсмет пуш ант уты хоятлны иньсьмыса:

— Вуртотыт хувын?

— Хувын. И нэмотты айкет антом.

— А вошны?

— Петлюровецыт, итампн...

Раненой ухыт иты эслтэ и Димка эвыт иньсьмыс:

— Похлэнгки, нанг нэмхоята ант лоптэн?

И си яснгытны си кем паттап ус, муй Димка самыт сярымтыс и тувет нюхмыс, муй ант лоптытэ.

— Туп мосынг Жигана!

— Там хойтэн питны нын хонтата актысьтын?

— Па,—етымманшик, Димка нюхмыс.—Там и тув, итампн.

Ар нятмып нятмынг сиськи арсыр турны туйта питыс. Там Жиган каншитыс па умысьтыс, хотта па тув питхоит тохатыс.

Вус эвыт кимшик катымтым Димканы тув айтыя кевны воськыса, сит пата, тув увта ант кашасис.

— Нанг муй?—Жиганны иньсьмыса.

— Хусты! Хунгха тыв... Мосл.

— Нанг тутн аты вохсэн, а вуге сар нангыт... кевны! Нанг ки тутны кармысьны па ветсэн.

Китнта вусэтна тангангын. Тув етпетны ант уты хоят и питы ай пушкан сонтых ухтыны касятым, Жиган па-кынманшик, нох тотимтыс.

Ант уты хоятэтн сэмнгыт нох пуншис па ат иньсьмыс:

— Я муй, похлэнгкенгын?

— Ин Жиганэм там!—И Димканы Жиган сырыя айтта пухытмыса.

Ант уты хоятэтн нэмотты ант лопыс и туп ухыт иты эслтэ.

Димка сопастает эвыт нянь ширам па матхатл колбасаит тустэ.

Раненоетн тэты ус, но отынгны шимыт тэс и сит киньси нюр йингк яньсис.

Жиган и Димка си мар иса хусты сыйты омыснгын.

Востотыт пуляны ин хоят кур хойса; сит киньси тув тутлны хутым хатл ий пул кем йингк ант па ус, и тув шенгк сёмты йис.

Тэвемыман, тув ямашик йис, сэмнгыт суремыснгын.

— Похлэнгкенгын!—тув ясынгтат ин иса туса лопыс. Туп ин си тур совет посны том ант уты хоятл Димка оша верыс, хойтэт Головень пета хивемыс: „Ат ханэ!“—Нын ям нявремлэнгкенгын... Ма ар пуш хутнсым, хотсат нын потыртсытн... Но нын уляя лоптыттын ки, ма сиртны веттаим...

— Ант куш тутн!—ант ямастыман Жиган нюхмыс.

— Муй, ома, ант куш тутн?—Димка кантымса.—Нанг потырта: антом, па и си... Па нанг ат хутнта тувыт,—хась па сэм йингк сурны ант уты хоятл пета нюхмыс.—Турым

сэмат, ант лоптэмын! Там тутн муv мухты манэм сомытта,
нюгтым... Сэнгктэм...

Но Жиган и тув сам оша версытэ, муv тув мотты си-
мись от нюхмыс, и пойкынг сыйны нюхмыс:

— Па ма, Дим, и сам... муv ант куш тутн мосыс...
нэмхунтты и тувы муv ат утл.

И Димка касятыс, хотсат ант уты хоятэтн па ий пуш
няххытыс.

* * *

Тэтытатсат Топ омсыс-омсыс, па и нюхмыс:

— Димка, карты тунгкен мие, антом ки ма ангема лоп-
тэм, муv нанг койбаса сиськилэнгкета таттисн.

Димка картопка шупны хасьшик лап омысса и сынга
утаслны ютэмыс. Ой пата, Головень ётн ант ус, анкет хошим
йингк кур эвыт ким татыс, а пирысь ими патла кутшик ус.
И Димка тѣпийман нюхмыс, Топыт курны пухытмийтман:

— Тэта-яньсьта мие сар, ма вуш сопастэм.

„Моттэн хотась ат йис,—нумысыс тув, пасан сай эвыт
нох тотьман.—Нятмен эвыт татсаин иси“.

Хув муv ван каншмет ювпины тув сарай астана эвыт
шенгк уны карты тунгк лавемыс па Топыта тустэ.

— Каша уны, Димка!—Топыт ёхты нюхмыс, умысьман-
шик кут па унышиви карты тунгка вантман.

— Муит уны? Там нанген и ям, Топ. А ай от муv: иси
курымны нох сэнгктэн—па си. А сята хувшик омыстын: тук,
тук!.. Ям карты тунгк!

Етн Жиган Онуфриха хосьны систам сешкан топыс рана
лап йирты пата уйтыс. А Димка иод хотымтты номсытны
сопастат эвыт унышик сахсы сюнгк тикматыс.

* * *

Перламутрий пуп ий подрясникыт пуш сопекты кушетка
ухтыны отыс и вуськув вертат шакым отынгни кантасьман-
шик нумсыс. Вуськув тунят снаряд эвыт тутны тэсы. Но,
шимыт отман, тув там ёхытты турым емынг хаттыт отынгни

и тув эвыттэт тохе ант вуты сорттат отынгны номытмыс. И пурьсь нѣхи пайтатны, мис сахсы лактатны и хорамынг сметанка сохта пут хортатны, итампн, тув ухытны янас номсыт ховытсыт, сит пата си ин Перламутрий пуп ёрынгашик хутыттис па мотты отынгны няхытманшик нумысыс.

Димка тангыс и, сахсы шупыт шаншл сая ханятман, айтта нюхмыс:

— Вуся, турым аси.

Перламутрий пуп тыштымтыс, сэмнгыт Димка пета тустэ па иньсьмыстэ, нох па ант атмысман:

— Нанг муй, сюсие, ма хосема муй па пуп ими хоси?

— Тув хосета, турым аси.

— Гм... А тув там мар ётн антом, тув вотэта ин ма.

— Ангкемны китсаим. Шимыт мушмыттыйтыс, янгха сар, лопыт, пуп имины шимыт иодны ант муй матын. И ай тыпы сохиет там китсытэ.

— Тыпы сох... Гм...—антшик веритман Перламутрий пуп хутэмыс.—Тыпы сох муй?.. А нанг, пошхие, муя ёшнгытан шаншны тайтыттан?

— Сахсы шуп тата. Ангкем лопийтыс, понтыттэ ки, пумасипа вотыя мие...

— Понтыттэ ки?

— Турым сэмат, ситы си лопыс.

— О-хо-хо,—Перламутрий пуп нюхмыс, нох тотьман.— Антом, тутн аты китта, а том: „понтыттэ ки“... И тув ухыт кавысьхымтыс.

— Я, мие, сар, сахсэн... Катра!

— Хоты йитып от хотна ант вохыттув, турым аси.

— Сам утэм, па сахсэнгшик от мосыс куш... катра от си куш... Тыпы сохен хота?.. Муя па ангкенны татынг четвертьны ант масын? Ийя тэтытэт рахыт?

— Хоты тув, турым аси, туп кат ёнтыс туй туватты. Муй тампи ай от па мосл?

Пуп ики тотийтыс, шимыт нумысманшик.

— Нанг лопа сар, ангкен тувы ат ёхытл. Ма тувет пайтыя и нэртэм. А понта... муй пата?

Но Димка вурасинга ухыт ревийта питыс.

— Гм... Муй нанг ухен ревийтын?

— Па нанг, турым аси, понэ сар—тэрматман Димка пот-рымтыс,—хоты, ангкемны памытсаим: „Ант ки мат, Димка, сахсэн ёх туве“.

— А нанг тувет лопа: „Мой китты хоят мойтыпсэт отын-гны ант шатитл, хоты новы турым аси венш етпины там мойтыпсы маты“. Ант ёремытэн?

— Ант ёремытэм!.. А нанг хоты сар понэ, турым аси.

Перламутрий пуп туфляйнгыт ваттыпынга тумытсытэ, сит тохытпи Димка тыв уны туваттытата умысьтыс и, сахсы шупыт атэмыман, кимит хот пелкыта тыпы сохыт муитны маныс.

— Тамныта вуге,—тув ким этман нюхмыс.—Туп ма ямем эвыт хоты...—И нумысман иньсьмыстэ:—А нанг сиськуректын поших понтыт, пошхие?

— Ям эвыт!—Димка кантымса.—Куттыпыт итпины...—И па иньсьмым яснгыта, овыт эвыт ким этман, шопынга ёхты нюхмыс:—Мунг хоты, турым аси, сиськурек ант тайтув, туп ий хо сиськурекыт.

* * *

Сит кутны вуртотыт отынгны нэмотты айкет ант ус, и похлэнгкенгына тэсятыйтман утта мосыс.

Па хоты тын ванкутл сараит хоси ёхтыйтнгын и хув маретн ант уты хоятэтн хосьны уснгын.

Тув тын питэтнны кашинга полхемыс, потыр потыртыс и сит тохытпи няхыс. Туп па йитытны, хун потыр фронт отынгны манта патыйтыс, сэм хутимнгыт хосьны уны морым тывынтыс, тув хусты патыйтыс па хув мотты отынгны нумысыс.

— Я муй, похлэнгкенгын, ант сасьл, хотсат тотата?

„Тотата“,—там фронтны. Но куртны арсыр аим-китым потрыт янгхыт.

Сиртны ант уты хоятэтн канмийта и венш сохыт таттис. Па кемынга ус, муй киньси кашинг минута паттапыт уныя ус

па муй киньси паттап тув тытл ухтыны уныя ус, тув номысты—кетты, метмоттэт тохатман ус.

Похлэнгкенгын тувыт шенгк моста питсэти. Димканы сит шенгк мосса. Хунтты ий пуш, сялты анкет ёти хийман, тув сараит хоси шукнга-шукнга ёхтыс.

— Головень нют-ветл...—тув лопыс.—Ма саемны анкем па Топем вошаттытэ... Асем хоси Питера ки тутн... Но вурек антом.

— Муя вурек антом?

— Ант путлытн: арсыр пропускыт мостыт. Ин билетыт па, хотся тывыт хотымтыттан? А сит тохытпи ант рахыт.

— Ант уты хоятэти нумысыс па лопыс:

— Вуртотыт ки тутн утсыт, ма нангыт, Димка, пропускны хотымтсэм тутн.

— Нанг?!—томет умыся хойс. И антшик кашасьман иньсьмыс сит, муй тув хувын кашасис иньсиста:—А нанг хой? Ма утэм: нанг пулемётной начальник, сит пата том пуш нанг хосенны солдат пулемёт питны ус.

— Ант уты хоят няххытыс и ухыт кавысьхымсытэ — ситы, муй оша верта рахыс: и шоп и рохып.

И си вуш эвыт Димка сит киньси кашасис, тутн вуртотыт ёхытсыт. А атым вер тув хосьлны ара и ара акмыссыт. Шатьты Топ, вуш ветмит пуш карты тунгкны вохыс и, сит ухтыя ант вантман, муй тув карты тунгкны миинтса, исипа анкета полысь тус. Сятта анкетны мушмыттым хоятла таттим шахем полхыт Димка иштан карманытны уитсайт. Но мет атым вер там хатл тывыс. Емынг хатл рохыпны Перламутрий пуп емынг хатл мойтыпсытат тангемыс. Потырттытат кутны тув Димка ангия нюхмыс:

— А сахсэн исипа катра. Нанг тутн портунэн пата янкем сиськурек поших сит тохытпи масн...

— Муйсыр па портун?

— Димка шаншинг утасл ухтыны ант пакман ютэмыта питыс и тув петангыт татым сэмыт итпины пуниратыс.

— Ма, ангия... амплэнгкема, Шмелиема, ...—ант ямастыман тув ёхтыс лопыс.—Тув уны нюлым тайс...

Исат хусты питсыт сит пата, муй пасан ухтыны хатымым Головень нюхмыс:

— Тамхатл ма нанг ух кашен веттэм. — И сятта нётыс, моттыя эртамынга вантыйтман:—А сит тохытпи нанг, исипа, вор потыр вертын.—И па нэмотты ант лопыс, си киньси ант сэнгктэ.

— Мустыт ийя! Сит там ешик портун кашинг уксим пата?!—тыкасьман Перламутрий пуп лопыс.—А махатл вор потыр версын, кат пуш виноват: мув харны и турым харны.—Сиртны тув пангыт писинга нох атымсытэ, вантыпсэт хот хар ухты эвыт хот тангыта тустэ и вантман ситлны, муй тув ясынг-тат мосты вер версыт, Димка ангки пета лопыс:—Так ма янгкем пошиха ямастытым.

Етн хотл эвыт ким этты Димка ангкырмыс па касятыс, муй Головень тымыс хосьны тотыл па ётлта сэмнгытны тусы. Тув нэман ёхан хонинга каремыс.

— Димка, а куртны мин хоятмын отынгны потырттыт, — хунтсаянтметны Жиган тувет лопыс.—Сята, лоптыт, хотты ванны. Си тохытпи ернас... а сит киньси старостин Сёмка Горпина тымыс хосьны иси катяя тытытым книжка уйтыс. Ма сам ий лыс вантсэм. Новы, а сунгытны букваит „Р. В. С.“ и сюртпиет, мет сёсыт ухтыны.

Димка сит киньси ухыта хойс.

— Жиган,—тув тэпийман нюхмыс, си куш лакка нэм-хоят ант ус,—мосл, ситы... нанг тох пайтыя ат янгха... лакка ки тутн ямшик ус. Антат шиватсаймын тутн.

Ант уты хоятэтн сыйны веретн.

— Я муй,—тув нюхмыс,—туп нын, нявремнгын, тав-тысманшик утатн. А ант ки нётл, сиртны нэмотты ант вертын... Шоп, ант куш мосыс тутн, тэвас сорыма пита...

— А тэваса антом ки?

— Димка, симись ясынг антом. А тэваса антом ки, сиртны рахыт.

— И симись ары утл,—Жиган нюхмыс.—Тутны там арт ант ки ус, ма арийсэм тутн,—ям ари. Коммунист тьякта тусы, а тув тывет хот питыр хосьны потырл... Мунг утэв, потырл,

муй пата мунг тятистув. Утэв, и муй пата сорыма питтув... Туп ясынгни ки потыртта, ант тывыт. А вот, хун солдатывт фронта мансыт, сиртны и арийтсыт... Вуш муй пата железно-дорожникивт, тыв и то туттат авышатсыт, туп самен сярйит.

Ёх итны-итны керытсангын. Димка сырыяшик маныс; тув ёхан хонывг пета эстысыс, а тоттасыт—ёх.

Сит кутны Жиган тувет мустыты ланямыпсэтны ант уты хоят фляга вус, тутн йингкны тэкимтта, ястыпсэтн отынгни ёремыс па ван лухым пант хуват—огородывт этты маныс. Номыса хойман, тув шухмыс па иси путянг вотэмыс, хун хутмыс, хотсат хашит хосьны мотты картимтыс.

— Тотя, энгрыстот!—хойт хивемыс.—Тотя, амп!

Тув паттапынга путлыс, ий пелька понантыс, мотты тымыс ухтыя алэмыс па хутмыстэ, хотсат тув иштантл эвыт хоятны така каттымса. Тув уны вевны ёхты пухытмыс, итампн, хоят венша курны тикимман. И, капуста грядкаит ухтыя тымыс этты питметны, ёшнгыт эвыт флягаит эслмат, тув патлам кута ювантыс.

Нэмотты ант уты Димка ёх керытыс, и иси путянг нох отыс. Хус кем минута ант па парыс, хотсат хота тывытман Головень тангемыс и иси путянг Димка ангки пета хивемыс:

— Тувы нанг кул тэншекен ёх антат и каттл... Курны ма веншем шунгхсытэ... Веттэм.

— Хун шунгхсытэ? — хурийман Димка ангкет иньсьмыс.

— Хун? Там интам.

— Тув хоты хувын отл.

— А кул! Ёхтыс, кемын, туп интам. Веншем эвыт каблукны шунгхсытэ, а тув лопыт—отл!—И тув ов нох пуншмыс, Димка хоси путлыман.

— Нанг муй! Нанг хоты!—паттамыман ангкет потрымтыс.—Муйсыр каблукны? Тув хоты товы вуш эвыт нэмотты кура тумыттот ант тайт. Тув хоты няры курты! Хой тувет тутсыйтыс?.. Нанг муй тытытн?

Но, итампн, Головень иси оша версытэ, муй Димка пошмек ант тайт. Тув вотыис, тывытмыс и ёх тангыс.

— Гм...—тув утас ухтыя омсантман и пасан ухтыя фля-

гаит ювытман омемыс.—Ошибка тывыс... Но хойны и хота тув ханятта? И ернас, и нэпек лыс, и фляга...—Сятта хусты ус па нётыс:—А ма иси па нанг ампетн ветсэм.

— Хотсат ветсэн?!—хотна анта сайкымтым Димка анкет иньсьмыс.

— Ситы. Ухыт эвыт эстымтэм, па и сята си.

И ошния ухыт метшим па маташик поддёвка итпия та-
нгом Димка иса этлны нёхамыс па сыйты вурынг сэм йингкны
сялыс.

Хун иса ромамыс, пум тайты хота Головень маныс, Димка
хоси анкет шушемыс и, оша вермет пуш, муй тув сэм йингк
лыпсат, тувыт ромамытман, нюхмыс:

— Я, Димушка, мос сар! Хоит ийя амп отынгны...

Но си номыттыпсыны Димка сэмнгын етпины шенгк катыя
нявлык па тывытны ревесым Шмель хор тотис, и па уны
вевны тув торемыс и па такашик сэм йингкны пошим ош
сохыта ухыт метшистэ.

* * *

— Эх нанг!—Димка потыртым яснгыт ус и па нэмотты
ант лопыс.

Но Жиган тув ясынгтатны симись шук, симись тык ху-
тыс, муй тув исат тарыптыс.

— Ма муй усэм, Димка?

— „Усэм!“ А муй ма потыртсым?.. Хув муй ус лакка
мохыттыта? А интам муй? Ин Головень том инарл тэсятл,
хотты манта вутсис. А хотта? Лёвка тохытпи хотта, муй па
па хоят хоси—обыск лопыт матн!

Ант уты хоят иси Жиган пета ангкырмыс. Тув ангкыр-
мыпсэтны ай вукыл ус, и тув нявлыка нюхмыс:

— Нын ям нявремнгын...—И сит тохытпи ант кантымса,
метмотты тув отнгытны и потыр ант ус.

Жиган хусты сыйты тотис, тув сэмнгыт тыве тохе ван-
тыйтсыт, хотсат ус ийвотап, тувет ямамтыйтта нэмоттыны ус,
па и ант мосыс. И тув сэмнгыт иты эслман ёхты лопыс и
иньсистот пета хун:

— А вуртотыт вошны. Нуша Авдей ойка ёхтыс. Ар, лопыт, и иса велтовынг ёх.—Сятта тув сэмнгыт нох атымсытэ и иси виноватой и сыйты тур сыитны лопыс:—Ма аръятыйт-сэм тутн... Мосынг, мотты омаат пугтытым... хотна вуспеиттым.

Димкая умысь ус. Ант уты хоятэтна умысь ус, тув петангыт похлэнгки уны па питы шангкап вотыим сэмнгын касятман. И сит киньси сам Жиган хотсат ротан ёхтым сонтымыпсэт эвыт умысьтыс.

Ситы и решитсыт. Ант уты хоят книжкаит эвыт лыс тэрмат менмыс. И тув ханшмет мар, Димка пува пелык сунгны иси хутым ханя „Р.В.С.“ буквайтат, а сятта па сюртыпыт, мет сёсыт ухтыны, касятыс.

— Там,—нэпекыт шашимман ант уты хоят нюхмыс,—вуе, Жиган... ханштым пос, кат перна. Там посэн посны кашинг солдатны ювын ки—ювын, хаттэвын ки—хаттэвын, хун па ат ус,—иси пугянг начальника маттэ. Па ванта, ат тикма.

— Нанг вер ат шакыттэ,—Димка нётыс.—Антом ки, исат ат вуянта... Манэм мие.

Но Жиган сэмнгыт вуш йитпа сурэмыснгын, и тув ёхтым сарл питны ёхты лопыс:

— Маны утэм... Муй манэм, отынг пуш, хун?

И хулэт эвыт ким тукмет пуш, лакка вантыс и, нэмотты симись паттап от ант касятман, пант шупа понантыс.

Никольской унт нумпины хатл хотна карся тотис, хун Жиган пант ухтыя этмыс и хун си пант хуват Жиган тунга Головень хотты велтовны хухытман маныс.

* * *

Унт отынг ванпысны Жиган тантны па сахсыны тэттым телегаит этты ёхтыс. Телегаит ухтыны вет винтовкаинг хоят омсыс. Телегаит туп айтта еты мантыт, а Жигана мосыс тэрматта, сит пата тув хаш кута каремыс и еты манта питыс, туп пант хуват антом, а унт пось хуват.

Уны поших хорамынг лыптытны энмым харыт тикмийсыт. Йипылтат кутны ай воет шомыйта нармийтсыт. Сиськи уть

сэма патыйтсыт. Мантэт сахат йитны-йитны менмыйтыс, но ий пуш па нох ант вотэмийтыс.

„Вет кем верста ревемысым!—нумысыс тув.—Ям тутн тамиты ант ерымман еты манта.“ Нувытны манты вурекны ант масы, и тув панта этыс.

Пант кусы томпия этмыс и сэмнгыт лапшик лангкымтыс. Лангкты хатл тюк вуртышик ёшит тув сэмнгыта хойсыт. Уны клён юх тый эвыт етн сирны мотты сиськилэнгки сыинга шухмыс, и хаш лыптыт кутны мотты картимтыс.

— Эй!—хусты хорытыпсы тув хутмыс.

Ангкырмыс и нэмхоят ант касятыс.

— Эй, похлэ, тыв юва сар!

И тув ай пумы пай сайны пант пось хосьны хоят тав-тым кат винтовкаинг хоят касятыс. Пунгытны, юх хосьны, тын товтын тотьсангын.

Шушемыс.

— Хотсясыт нанг йитн?.. Хотта?

— Том пельк эвыт...—И тув, ёшны ревемыман, тахыр-тыс, нумысман муй еты лопта.—Курт эвыт ма. Мисэм хон-тас... Мосынг, нын хотты хунтсийтэтн? Вурты, ий онгтыт эвытман. Турым сэмат, мет сомытыс, а тув тохытпет ёх и ат керыта.

— Ант вансув... Мотсыр мис поших сята янгхийтыс, тув хоты атынга вуш мунг оттувны нетэмысы... А нанген мотты телегаит ант тикмийсыт.

— Мотсыр отыт йитыт... итампн, вуш ванны.

Ювотынг айны тын шенгк умыся питсангын сит пата, муй тын тэрмат товтын хоси алэмыснгын.

— Хунгха!—ийтэтн товнгыт тувман хивемыс.—Ма шан-шем сая омыстын.

— Манэм ёх мосл, мисэм па...—шатитман Жиган тангы-латыс.—Хотта ма мантым?..

— Хунгха, хотта нанген лоптыт. Сята ванны эслтэмын. А то нанг телегаинг ёхыта полысьхымттэн.

Жиганны си куш туса поиксайнгын, муй тувет мисл мосл, муй тувет ёх мосл и муй тув телегаинг ёха и ий кет па ант

лопыт,—нэмотты ант нётыс. И исат ротан тув ий восты хоят шанш сайны тывемыс. Хухытман манта питсыт. Па артны ки, тами тувет туп уны каш ус. Но интам исат антом, туп сиртны, хун моттыкем ювтым яснгыт эвыт тув оша версытэ, муй тыв мотты унтны тавытты Лёвка отряд хоси ёхыттыт. „Я сар тота Головень ки,—ротан номыс ховемыс,—па ин оша вертыттэ ки, муй сиртны?“ И, нэмотты ант нумысман, ёхтым паттапыт эвыт, тув ух партоха тов шанш эвыт ит рантымыс и пант эвыт хухытмыс.

— Хотта, кул пошихлэ?—ийтэтн товыт ротан тоньсьлсытэ и винтовкаит шашимсытэ.

Мосынг па, Жиган юхыт унта и ант вуспеитыс ёхытта, туп кимит хоятны ёшл эвыт ант ки каттымсытэ па кантынга ант ки хивемыс:

— Пака!.. Ат эста: вер си шакыттытэн.

Жиган унт сама алэмыс. Пайтыя унт сам шупа, хашит этты эстыттиман, маташик и маташик тангман. И туп хун хоп юхны энмым тахины питыс и оша верыс, муй тыв нэмхотась товынг ёх ёхытта ант мошил, нох тотис, тутн тытл еты тута.

„Лёвка!—нумысыс тув.—Си омат хой хоси Головень мантл,—туп тув хосьла ант ки.—И иси путянг самыт шомыратыс.—Тутн патлам унта антат вуспеитсыт: ювын я сит ант уиттэт, а атынга, мосынг, вуртотыт...“

Хиим пелкыт эвыт пушкан сый сымытыс, кимитта... и манта питыс.

„Анас ёх питны,—тув оша версытэ.—Сорашик мосл, а вуе сар сята: пантты“.

Но унт сорт харыяшик йис, и тув курнгыт итпины йитпа пант. Жиган тытл татмыс и хухытман еты манта питыс. Хус кем минута и ант парыс, хотсат пайтыя тув есяттэт хухытман хотты пета тэрматты отряд этыс. Ант вуспеитыс тув ошатыйтта, хотсат тув велтовынг ёх кутны ус. Паттапынг сэмнгыт тувемыстэ. И хась паттап эвыт ант кериис, тыв кутэтны Головень касятмет пуш. Но сит пата, муй тометны Жиган туп ий муй кат пуш хуньтсийтса, сит пата, муй ант ямастыс тата похлэнгкия хуньтсянтта, муй мосынг па ювотынгны, сит пата,

муй, сор курымны верым инар кеты такамтта нармыс, туп Головень тув петангыт ант па кетмыс.

— Похлэнгки,—ийтэтны, кут уны нохшик вотым тушинг отэтны, иньсьмыса,—нанг хотта кулны тутыин?

— Курт эвыт...—Жиган нармыс.—Ма мисэм... питы и ханшенг...

— Вор потыр вертын! Сята и нэмотты курт антом.

Жиган сит киньси паттамыс па тахыртыйтман ёхты лопыс:

— Хоты сята хун... А тьякытта хун питсыт, ма паттамысым и хонтасым.

— Хутсыты?—отынг отэт отынгтыс.—Ма хоты потырсым, муй хотты тьякыттыт.

— Турым сэмат, тьякытсыт,—мотты оша павытта питым Жиган тэрмат потыртта нармыс,—Никольской пантны. Тота Козолуп икетны тэты сопасны тусы. А Лёвка нявремыт анаса напытсыт.

— Хотсат напытсыт?!—кантынга велтовынг ики орэмыс.—Хотсат тыв мошитсыт!

— Турым сэмат напытсыт... Маны хутсэм: тутн, лоптыт, Козолуп кулны ат вуты... Тувет и так вуянг... пирысь кул и так неттл...

— Хутсыты?!—востот орэмыс.—Там йия ма неттым?

— Неттл,—Жиган лопыс, хой нятмыт мельница иты рупитта питыс.—Лоптыт, тув нётл ки метшиттэ, мунг номыттытэв тувет... Манэм муй? Там иса тыв потыртат.

Жиган тутн па моттыкем ар вуклынг ясынг Козолуп отынгны потыртта мошитыс. Но томет и ситы морткема кантымман ус и сит пата кантынга орэмыс:

— Товтын сахат!

— А тув питлны муй?—хоят иньсьмыс, Жиган пета памтыман.

— А ий пуш хомсины кутырхымтыйтга, па пуш тамись потрыт антат хутнтл.

Отряд ий пельк пета хухтыс, а Жиган мыш такты шаншл эвыт хоинтса и кимит пелька алэмыс, амытман, муй тамиты кена верантыс.

„Интам оша вертэт,—тув хухытман нумысыс.—А оша вергытат унта, ванттэн—и ювын вуш“.

Патлам йит парыс. Хусыт ховытсыт, ат эстысыс. А Жиган то хухтыс, то маныс, то утман-утман нох тотийтыс—тытл еты тута. Ий пуш йингк овты сый хутмымет пуш патлам кутны йиши каншсытэ и, нох хошимман, потым йингк моттыкем пул яньсемыс. Ий пуш хуренга кериис, атэт ёврая тотим тым перная хойман. И айнаины вуректы питта питыс. Куш хухыттын-хухыттын, а исат отнгыт патэт антом. Мосынг вуш хувын век тапсым. Тутн хоят эвыт иньсьмыта.

Нэмхойт эвыт и ант иньсистэн. Мантэт сахат шукынг вольт кырым крестьяниныт ант тикмийтсыт, и тут рат хонынга тэсэтыттым пум сэвырты мир ант тикмийтсыт, и нявремыт товтат питны, и ёх хисим мир вош эвыт ант тикмийтсыт. Патлам пант татыя па хустыя ус. И туп нятмынг сиськи иса куслны шухыс, туп тув атэт ант патыс и хустыя питым мув, ювын паттапыт ухтыны сыинга няхыс.

И вот си артны, хун Жиган иса кашты питыс, тутн мотты тахия этта, пантл кат пета ёхыртл. „Па йитып вер? Ин я, муй пант хуват?“ И тув нох тотис.

Го-го...—тув тунт сыйты лавлых хутмыс. „Тунтыт!“ тув хасышик ант хивемыс. И туп инси тув етпетны, хашит сайны, ай куртые шиватыс.

Шенгк хотты амп сялэмыс, мет хот хоси пох хун йис, а мойпыр. Ханаттым пурсит хрюкайтта питсыт, и Жиган ова меншаньста питыс.

— Эй! Эй! Пуншатн!

Отынгны хусты. Сятта хотны хутыттиты сый сымытыс, матысыпсы, и нэ хоят тур айтта потрымтыс:

— Ешик новы аси, хой па туты?

— Пуншатн!—Жиган потыртыйтыс.

Но симись арт хун ус, тутн ат куттыпны кашинг хоята пуншта. И хоят тохырты охыр тур отым соха иньсьмыс:

— Хой тота?

— Пуншатн! Там ма, Жиган.

— Муйсыр па тота кул, Жиган? Вот ма нангыт берданка эвыт ки ов мухты кутыртэм!

Жиган иси путянг ий пелька хатымыс и, ёвра яснгыт оша верман, лыпамыс:

— Жиган антом! Жиган антом... Там нэмтым нэем... Васьякая вохтаим... Ма хотна ай... А манэм тутн иньсьмыта, муйсыр пант вош пета.

— Муй отынг эвыт, сит и вош пета, а кимит отл Поддубовкая.

— Тын хоты китна отынг эвыт!.. Ия ов мухты оша вертэн! Мосынг нумысман, ов томпины шимыт хусты утсыт.

— Мана сар ишни хоси, тоттасыт памтытэм. А ёх эслта... анто-ом! Си куш ай. Мосынг, нанг ювенны уны кул омысл. Ишни пось пуншантыс, и Жигана пант памытса.

— Сята ванны, туп верста кем. Унт отынгны.

— Туп си кем!—И йитпа кашинга ювым Жиган паси хухытман еты алэмыс.

* * *

Ёвра вош улицаитны тув иси путянг патрульны нох тоньтлса и штаб памытса. Мангынты красноармеец антшик кашасьман ёхта лопыс:

— Муйсыр тота па нэпек! Атынга ёхта,—но, тэрмат перна посылт касятман, нэпекыт вус и вохыс:—Эй, тота!.. Хота дежурной?

Дежурной Жиган пета ангкырмыс, нэпекыт нох пуншсытэ и, пува пельк сунгны иси том хутым ант уты буквайтат „Р.В.С.“ касятмет пуш, иси путянг тутл тув хосьла хатхымсытэ. И туп тунгытсытэ—телефон хоси: „Командир!.. Комиссар!“—а тув сам тэрмат комната хуват шушийтта питыс.

Кат хоят тангсангын.

— Ситы утта ант мошитл!—умысьман ий отл хивемыс.

— Тув!.. Шоп тув!—амтынга кимит отл нюхмыс.—Тув ёш посл, тув бланкыт. Хойны тусы?

И туп ин тыв вантыпсытат сунгны хусты питым Жиган пета тустат.

— Муйсыр тув?

— Питы... Сопекны... и мевтытны хус, а тув эвыттэт вурты флажок.

— Яна па, орден си!

— Туп тэрмат ки тутн,—Жиган нётыс:—сора нова лыт-хамтта питл... А сиртны бандитытны... уитта ки, ветта.

И туп муй сята атмысыс! Исат тэрматта, хухыттита пит-сыт, телефоныт тялымсыт, тов курмыт сымытсыт. И там тэр-матыпсы кутны туймым Жиган ар пуш потыртыйтым яснгыт оша верыс: „Шоп, армия!.. Тув!.. Реввоенсовет!“

Турпа сора-сора ёнтта питыс, и тов курмыт эвыт ишни лысыт торийта питыс.

— Хота?—тэрмат ов пуншим, маузерны па атты кешины вооружённый командир тангыс.—Там нанг, похлэнгки?.. Васильченко питны, тов шанша...

Жиган ант вуспеитыс нох сайкатыйтта, хотсат хоятны юр ёшнгытны мув хар эвыт атэмысы, тов шанша омсыптысы. И паси турпа ёнтта питыс.

— Тэрмат!—хоят карнес эвыт партыпсэнга хивемыс.— Нангетн вуспеитта мосл!

— Матн!—моттыкем янг совенг тур тов шаншит ухты эвыт ёхты хивемыс.

Сятта:

— А-аррш!

И, иси путянг тотти тахет эвыт, менмантым велтовынг отряд патлам кута эвтантыс.

* * *

А ант уты хоят и Димка хурийман тавтыснгын и туса хутнсангын, муй лакка верантл.

— Ёх мансын ки тутн ям,—ант уты хоят моттыкем пуш Димкая партыйтыс.

Но мет томет мотты вурасьны ёхытса.

— Антом,—тув ухытны ревиис,—ант мантым.

Хулыт эвыт ким путлыс, сонтых ара тэмсытэ, па тув тангты вусл лап тахсытэ и паси ёхты нямылмыс.

Хусты омыссангын: потыр унта хун ус. Туп ий пуш
Димка потыртыс, и то ант кашасьман:

— Ма ангкема лопсым: мосынг, лоптым, сора асем хоси
мантымын; так тув хась полшингытны сех рахнэмыс, а сятта
тявтыптыта нармыттытэ: „Муй нанг нюр-вар нятменны уляя
потырттын!“

— Мантын, мантын, Димка. Тутн ат...

Но Димка и сам уттэ, муйсыр си уны и паттапынг „тутн
ат“, и сит пата тув сонтых хосьны ромамыс, мотты отынгни
нумысман.

Етна йис. Таты сарайны омсантым сунгытны патлам катыя
и катыяшик катыс. И хулыт мухты йиты новы патламны ара
маныс.

— Хутнта!

Димка даже торийта питыс.

— Хуттэм!

И ант уты хоятлны тангкыртат эвыт така апыттысы.

— Но хой сит?

Курт томпины, харны, ванкутл и ошты тякытты сый сы-
мытыс. И вотны тыв пушкаит сыйты тьякты сый тыве тусыит.

— Мосынг, вуртотыт?

— Антом, антом, Димка! Вуртотыта ёхытты мар анта йис.

Иса хусты питыс. Па сёс парыс. И тов курым и увып-
сыны тэкмыттым куртые, сараит унта хуренг ай тусы сит
отынгни, муй хоят вуш тата, пунгытны.

Тур сыит то ванамийтсыт, то хува пайтсыт, но вот ванны-
ванны сымытсыт.

— И погребыт лакка? И ханя лотыт лакка?—хоят сыинг
тур сый иньсьмыс.

— Арсыр тахетны,—кимит от лопыс.—Туп манэм тата
мосл, тув тата хотты.

„Головень“! Димканы оша верса, а ант уты хоят ёшл
татсытэ, и еша патламны наган сурэмыс.

— Патлам, ампыны и ат вутыит! Лёвка этты муйкем
фонтсув!

— Патлам!—хоят нюхмыс.—Сята и саптэн шукаттэн! Ма

тыпия путлыта вутситсым куш, а ма ухтэма нумытта сохтыт рохынътссыт... хасьшик ухема.

— А тата симись мустыты тахи. Мосынг хийта сята атынг унта вет кем няврем?

— Хийта.

Иси па шимыт-шимыт сама кенышик. Ямастыпсы тывыс. Ий хулыт эвыт катыс, хотсат ванны тут рат вусемыс. Хась па лангкысым ов хоси тов шушемыс и сонтых ант мосман тухтыс.

Атынга римых хув ант ёхтыс. Ювотынг и атынга хуньтл лытхамыс, хусыт харытта питсыт.

Сора и каншипсы. Ант вуспеитыс, муй па Жиган исат ант путлыс.

— Димка,—тёпийман ант уты хоятл нюхмыс,—сора каншта питтыт. Том пелькны, хотя сарай ов керийс, мув хар хосьны ай вусые утл. Нанг ай и путлытн... Тох вангка.

— А нанг?

— А ма тата... Кармысит итпины, нанг утэн хотя, ма сумка, печать и нэпек нанг патанген ханемысым... Вуртотыта мията, хун па ат тыв ёхытсыт. Я, вангка сар сорашик!—И ант уты хоятлны, мет уны хоята, така ёшл пасирта и айтыя тув эвыттэт пухытмыстэ.

А Димка сэм йингктат турл хоси йисыт. И тувет паттап ус, и тувет ант уты хоятл атэт хийта шать ус. И, пенгк нёхы тэвман, сэм йингктат пулман, тув ара тахым кармысь шукуыт хоси вангклайман вангкта питыс:

Тара-та-тах!—ротан йилынг эвытса.—Тара-та-тах! Бабах!.. Тиу-у, тиу-у...—сараетн нумпины шухмыс.

И увыпсы, и тов курмыт, и пулемётыт тякытты сый—иса там ротан, атынгая йиты ром и ситы хув тавтыпсы шукатса, муй Димка и сам оша ант версытэ, хотсат паси ант уты хоятл хосьны тывыс. И, па кус ант тайман еты каттыста, сыинга-сыинга сьлэмыс.

— Муй нанг, оштот?—амтынга томет иньсьмыс.

— Там ведь хоты тыв...—няххытым Димка ёхты лопыс, сьлта нох ант вотыйман.

И хотна тякытты сый курт томпины ант вотыис; хотты хотна увсыт, хотсат сараетн хосьны тов курым сый сымытыс. И утанг тур сый тялымтыс:

— Тыве! Та-ата!

Сонтых ий пельк пета тахта питса. Хул тыпия хатл новы лытхатыс. И хоят паттапынга и тэрмат иньсьмыс:

— Нанг тата, товарищ Сергеев?

И мотты тахи эвыт муй арат мир лакка актысыс—и командир, и комиссар, и красноармеецыт, и сумкаит муитны фельдшер! И исат мотты эртамынг от отынгни лавлхтысыт па увсыт.

— Димка!—ёр эвыт тахыртыйтты Жиган потыртта тэрматыс.—Ма вуспеитсым... ёхты тов шаншны пуритсым... А интам востотыт есят иси каттысыйтым... мет куттыпыта... Хотсахат ит ухыт эвыт сэвырмысэм, так томен и ракныс!..

— Нанг, Жиган, вор потыр вертын. Шангкап вор потыр... Нанг и атты кеши ант тайтын,—Димка ёхты лопыс и анта сорым сэм йингктат мухты няхыс.

* * *

Татынг хатл кашинга ус.

Димка арсыр тахетны карыттис. И иса нявремыт тув пангыт умысьтысыт па татынг пактытны янгхсыт вантта, хота хонтамась ханятыйтыс, етн отнга сонтых унгх хосьны минитман па пуринтман ус, мет мисы пакыт ювпины.

Тангха, там ванны пленника утым хо уны начальника ус, сит пата муй тувет командирыт и красноармеецыт хутмысыт.

Димкая тув арсыр нэпекыт ханшис, и кашинг нэпека печать тоньсис, тутн тувет, анкета, Топыта Петроград вош унта нэмотты ронт антат ус.

А Жиган боецыт кутны кул иты янгхыс и симись осьхось арет ариис, муй туп—вуге сар! И красноармеецыт тув натлны няхсыт и иси тув туршиветны умысьсыт.

— Жиган! А нанг интам хотта?

Ий минута кема Жиган нох вотэмийтыс, мет тув ай веншл хуват кены йипыл манэмыс; сятта каркама ухытны реваемыс:

— Ма, йивпох, фьи-ить! станцияитны, эшелонитны арийта.
Ма интам тыв эвыттэт йитып ары унтлсым:

Ат полевой лазаретны маныс;
И товы хорамынг хатла йис.
И хун хатл хошимты артла питыс,
Айпи командир сорыма йис.

Ям ары! Ма арийсэм—ванттым: пирысь Горпина сэм йингклат рывтыт. „Муй нанг,—лоптым,—амия?“—Сар хоты сорыма йис!“—„Э, амия, там ведь арыны хоты“.—„А туп арыны ки сит,—лопыт,—а муйкем шоп сорыма йит“. Ин туп тутн эшелонитны ки,—тув нётыс, шимыт тахыртманшик,—па товарищит ант ямастытыт. „Хатыса,—лопыт,—хотсясыт ёхытсын. Мосынг нанг вор и тотмах. И мотты тотымтын“. Ин манэм ки мотты нэпек тутн!

— А хоты тувет шоп ханштэв,—хоят лопыс.

— Ханштэв, ханштэв!

И тувет ханшсыт, муй „тув—Жиган—вор и тотмах антом, а хоят, верны революционность памытсытэ“, а сит пата „тувет Жигана станцияитны, поездытны, эшелонитны советской арет арийта нётта мосл“.

И том нэпекенны ар няврем ханшаньсис—татынг лыс шуп и кимит пелкытны. Сит киньси вурты веншип Пантюшкин, хой том тапытны ханшаньсьта унттыс, тувы фамилияет иса ханшсытэ.

А сятта комиссар хоси тусы, тутн печать мас. Комиссарны тунгытса.

— Ант рахыт,—лопыт,—тамись нэпека полковой печать отта.

— Муй сирны па ант рахыт? Муй, тув хоты хотат хун? Понатн, понатн. Муй аты хун няврем наресыс?

Комиссар няххытыс.

— Там томи, хой Сергеев питны?

— Тув си.

— Я вуш ситы хотты...—И нэпека печать лысхымтыс. Иси путянг нэпекны РСФСР, серп и молот катымтыс—документ.

* * *

И симись етн ус, муй шоши мир хувын ант вантсыт. Мет кармысьны систамтым хусыт сурыйсыт. А курт харетны муй ус! Куртынг мир иса курт харыя этсыт. Красноармеецыт кашинга няхсыт, эвилэнгкет сыинга сехремысыт. А павыргыт ухтыны омсым лекпом Придорожной сепсянны нэрысыс.

Ювын айтта-айтта эстысыс; ара тахым хотытны тутыт вуситсыт. Пырысь ёх, нявремыт ёх мансыт. Но хотна хув тылысь новыны шошмым курт харетны эвет и похыт няхсыт. И хотна хув лекпом сепсян нэрысыс и нятмынг сиськет вурны шухитсыт.

А кимит хатл ант уты хоят маныс. Жиганны и Димканы тув провожайтса. Ёврая питым ось хосьны тув нох вотыис. Тув ювпетны и отрядл нох вотыис. И иса солдаттат етпины ант утты хоят нявремлэнгкенгын ёшнгын така пасиртсытсэ.

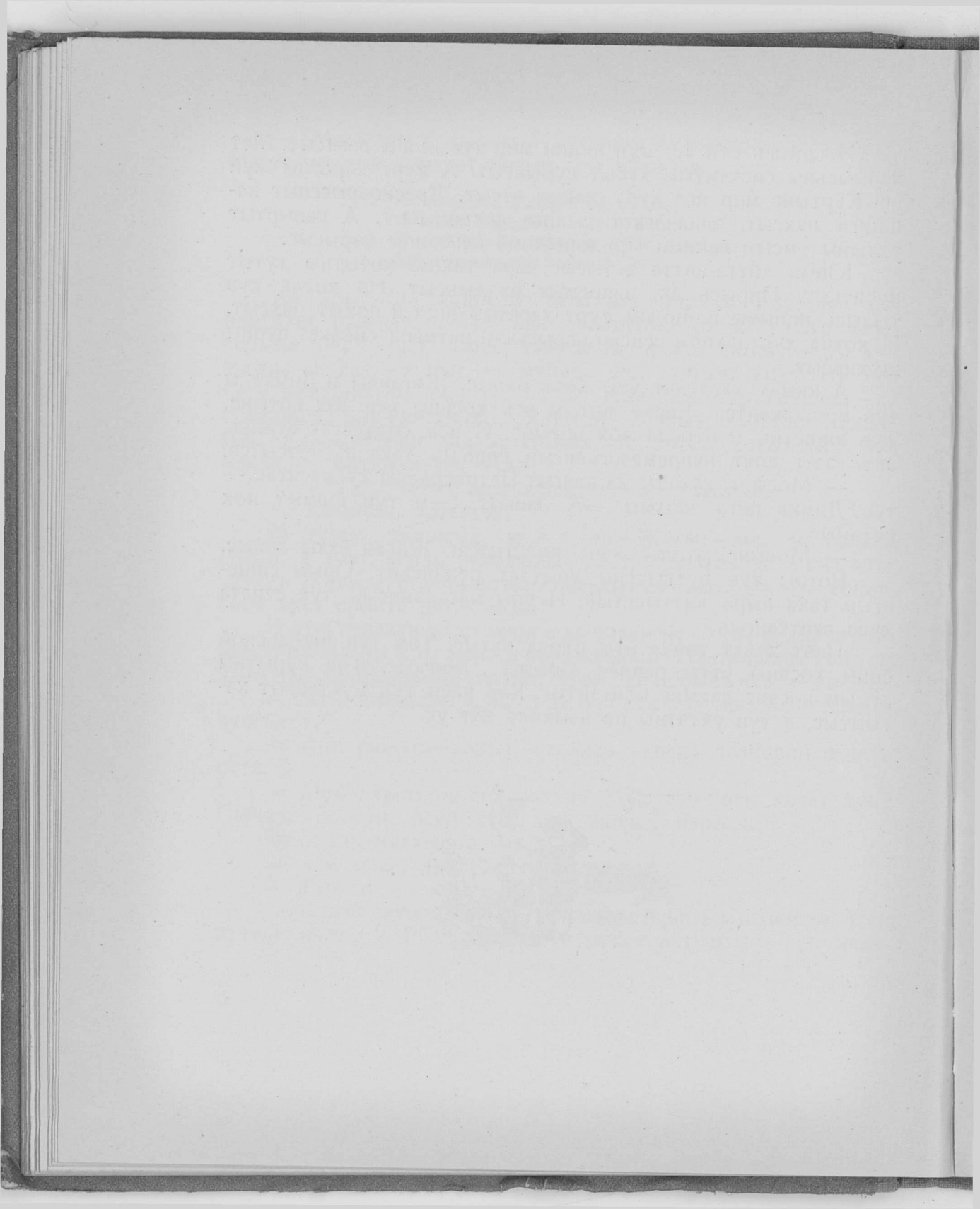
— Мосынг, хунтты ма нангыт Петроградны хуньтситэм,— тув Димка пета нюхмыс.—А нангыт...—и тув шимыт нох вотэмыс.

— Мосынг, хотты,—ант ямастыман Жиган ёхты лопыс.

Вотны тув пуппытсим упыттат ревийсаит. Орым ёшиенгын така ныра каттыснгын. И уны мат сэмнгын тув етпета хува вантсангын.

Пант хуват точка иты отряд катыс. Том тув никольской соим хосьны утты репиея алэмыс... лангкыс. Тов курытны атмым восэнг патынг войтантыс. Хар паси тув мухтангыт катымтыс, а тув ухтэтны па нэмхойт ант ус.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. ГАЙДАР

Р. В. С.

Faint, illegible text, possibly a name or title, centered on the page.

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГАЙДАР.

Кто из ребят не знает таких книг, как „Тимур и его команда“ или „Школа“? А если кто сам и не читал, то, наверное, слышал о них от других.

Эти книги написал любимый писатель советских детей — Аркадий Петрович Гайдар. Настоящая его фамилия была Голиков, а для книг своих он выбрал другую — Гайдар, что значит всадник или верховой, которого высылают вперёд на дозор. Вот таким дозорным нашей Красной Армии и советской власти ему всегда хотелось быть.

Гайдара сейчас уже нет... Он погиб на войне, как верный сын советского народа, и только книги его стоят перед нами на полке — много книг, написанных им для детей.

Крепко любил Гайдар свою советскую родину! Недаром даже в дружеских письмах рисовал он в уголке пятиконечную звёздочку с лучами. С этой звёздочкой начал он жить, научился правильно думать о жизни, научился писать чудесные книги. И за эту советскую звёздочку, сражаясь с врагами, сложил он свою голову и лежит теперь в почётной солдатской могиле у железнодорожной насыпи под Каневом — недалеко от могилы Тараса Шевченко. Место это находится на Полтавщине, поблизости от села Ляплево и ребята из этого села ухаживают за его могилой, охраняют её, а весной сажают цветы.

Родился Гайдар во Льгове в 1904 году.

В 1914 году, когда ему было десять лет, отца взяли в солдаты и послали на русско-германскую войну. Но ещё задолго до этого семья Гайдара уехала из Льгова. И с самых малых лет он жил и рос в Арзамасе, в маленьком городке, стоящем на высоком берегу реки Течи. Недалеко были Ока, Волга, Нижний-Новгород. Поэтому края средней России были для него всего милее, хотя он любил каждый уголок нашей страны и побывал в ней повсюду — на севере, и на юге, и на крайнем востоке.

Гайдару было только четырнадцать лет, когда он ушёл в Красную Армию, а в пятнадцать лет он уже окончил киевские командные курсы и стал командиром отряда курсантов. Потом он командовал батальоном и даже целым полком, сражаясь на разных фронтах с врагами революции.

Гайдар никогда не думал расставаться с Красной Армией и хотел остаться в ней навсегда. Но в 1923 году, после контузии, он заболел и был зачислен в запас.

Тогда он начал писать книги. Одной из первых книг, которую он написал, была „Р.В.С.“ (Р.В.С. — значит Революционный Военный Совет). Это было в 1926 году.

Кроме „Р.В.С.“, „Школы“, „Тимура и его команды“, есть у него немало и других прекрасных книг: „Дальние страны“, „Военная тайна“, „Судьба барабанщика“, „Голубая чашка“, „Чук и Гек“ и др.

Гайдар любил нашу Красную Армию и, рассказывая о её великих подвигах и о её борьбе с врагами Родины, он учит и нас крепко любить нашу славную Советскую Армию.

В „Р.В.С.“ Гайдар описывает то уже давнее время, когда Красная Армия сражалась с белыми, гайдамаками, петлюровцами и бандитскими шайками, которые пытались свергнуть молодую советскую власть. Это было время гражданской войны. Два мальчика, Димка и Жиган, помогают Красной Армии в её борьбе с врагами и спасают раненого командира от верной гибели. О том, как дети помогают Красной Армии, рассказывает Гайдар и в своей последней книге — „Тимур и его команда“. Каждый школьник помнит Тимура, который со своими друзьями помогал семьям красноармейцев всем, чем только могут помочь мальчики.

Миллионы советских детей в дни Отечественной войны поступали так же, как Тимур и его команда, и называли себя тимуровцами. Тимуровцы тоже помогали Родине победить врага.

Сам Гайдар в начале войны ушёл на фронт и был там корреспондентом „Комсомольской правды“.

Во время отступления под Киевом часть, в которой находился Гайдар, попала в окружение. Его хотели вывезти на самолёте, но он отказался и вместе с другими бойцами ушёл в партизанский отряд. Там он был пулемётчиком и погиб, сражаясь за свою Советскую Родину.

Р. Фраерман.

1.

Раньше сюда иногда забегали ребятишки затем, чтобы побегать и полазить между осевшими и полуразрушенными сараями. Здесь было хорошо.

Когда-то немцы, захватившие Украину, свозили сюда сено и солому. Но немцев прогнали красные, после красных пришли гайдамаки, гайдамаков прогнали петлюровцы, петлюровцев—ещё кто-то. И осталось лежать сено почерневшими, полусгнившими грудями.

А с тех пор, когда атаман Криволоб, тот самый, у которого жёлто-голубая лента тянулась через всю папаху, расстрелял здесь четырёх москалей и одного украинца, пропала у ребятишек всякая охота лазить и прятаться по заманчивым лабиринтам. И остались стоять чёрные сарай, молчаливые, заброшенные.

Только Димка забегал сюда часто, потому что здесь как-то особенно тепло грело солнце, приятно пахла горько-сладкая полынь и спокойно жужжали шмели над широко раскинувшимися лопухами.

А убитые?.. Так ведь их давно уже нет! Их свалили в общую яму и забросали землёй. А старый нищий Авдей, тот, которого боялся маленькие ребятишки, смастерил из двух палок крепкий крест и тайком поставил его над могилой. Никто не видел, а Димка видел. Видел, но не сказал никому.

В укромном углу Димка остановился и внимательно осмотрелся вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он порылся в соломе и извлёк оттуда две обоймы патронов, шомпол от винтовки и заржавленный австрийский штык без ножен.

Сначала Димка изображал разведчика, то есть ползал на коленях, а в критические минуты, когда имел основание предполагать, что неприятель близок, ложился на землю и, продвигаясь дальше с величайшей осторожностью, высматривал подробно его расположение. По счастливой случайности, или ещё почему-то, только сегодня ему везло. Он ухитрился безнаказанно подбираться почти вплотную к воображаемым вражьиим постам и, преследуемый градом выстрелов из ружей,

из пулемётов, а иногда даже из батарей, возвращался невредимым в свой стан.

Потом, сообразуясь с результатами разведки, высылал в дело конницу и с визгом врбался в самую гущу репейников и чертополохов, которые геройски умирали, не желая, даже под столь бурным натиском, обратиться в бегство.

Димка ценит мужество и потому забирает остатки в плен. Затем, скомандовав „стройся“ и „смирно“, он обращается к захваченным с гневной речью:

— Против кого идёте? Против своего брата рабочего и крестьянина?

Или:

— Коммунию захотели? Свободы захотели? Против законной власти...

Это в зависимости от того, командира какой армии в данном случае изображал он, так как командовал то одной, то другой по очереди.

Он так заигрался сегодня, что спохватился только тогда, когда зазвякали колокольчики возвращающегося стада.

„Ёлки-палки!—подумал он.—Вот теперь мать задаст трёпку, а то и поест, пожалуй, не оставит“. И, спрятав своё оружие, он стремительно пустился домой, раздумывая на бегу, что бы соврать такое получше.

Но, к величайшему удивлению, нагоняя он не получил, и врать ему не пришлось.

Мать почти не обратила на него внимания, несмотря на то, что Димка чуть не столкнулся с ней у крыльца. Бабка звенела ключами, вынимая зачем-то старый пиджак и штаны из чулана.

Братишка Топ старательно копал щепкой яму в куче глины.

Кто-то тихонько дёрнул сзади Димку за штанину. Обернулся— и увидел печально посматривающего мохнатого Шмеля.

— Ты что, дурак?—ласково спросил он и вдруг заметил, что у собачонки рассечена чем-то губа.

— Мам! Кто это?—гневно спросил Димка.

— Ах, отстань!—досадливо ответила та, отворачиваясь.—Что я, присматривалась, что ли?

Но Димка почувствовал, что она говорит неправду.

— Это дядя сапогом двинул,—пояснил Топ.

— Какой еще дядя?

— Дядя... серый... он у нас в хате сидит.

Выругавши „серого дядю“, Димка отворил дверь. На кровати он увидел здорового детину в солдатской гимнастёрке. Рядом на лавке лежала казённая серая шинель.

— Головень!—удивился Димка.—Ты откуда?

— Оттуда,—последовал короткий ответ.

— Ты зачем Шмеля ударил?

— Какого еще Шмеля?

— Собаку мою...

— Пусть не гавкает. А то я ей вовсе башку сверну.

— Чтоб тебе самому кто-нибудь свернул!—с сердцем ответил

Димка и шмыгнул за печку, потому что рука Головня потянулась к валявшемуся тяжёлому сапогу.

Димка никак не мог понять, откуда взялся Головень. Совсем ещё недавно забрали его красные в солдаты, а теперь он уже опять дома. Не может быть, чтоб служба у них была такая короткая.

За ужином он не вытерпел и спросил:

— Ты в отпуск приехал?

— В отпуск.

— Вот что! Надолго?

— Надолго.

— Ты врешь, Головень!—убежденно сказал Димка.—Ни у красных, ни у белых, ни у зелёных надолго сейчас не отпускают, потому что сейчас война. Ты дезертир, наверно.

В следующую же секунду Димка получил здоровый удар по шее.

— Зачем ребёнка бьёшь?—вступилась Димкина мать.—Нашёл с кем связываться.

Головень покраснел ещё больше, взмахнул своей круглой головой с оттопыренными ушами (за неё-то он и получил кличку) и ответил грубо:

— Помалкивайте-ка лучше... Питерские пролетарии... Дождётесь, что я вас из дома повыгоню.

После этого мать как-то съёжилась, осела и выругала глотавшего слёзы Димку.

— А ты не суйся, идол, куда не надо, а то ещё и не так попадёт.

После ужина Димка забился в сени, улёгся на груды соломы за ящиками, укрылся материнной поддёвкой и долго лежал, не засыпая. Потом к нему тихонько пробрался Шмель и положил голову на плечо.

— Уедем, мам, в Питер, к батьке.

— Эх, Димка! Да я бы хоть сейчас... Да разве проедешь теперь? Пропуски разные нужны, а потом и так—кругом вон что делается.

— В Питере, мам, какие?

— Кто их знает! Говорят, что красные. А может, врут. Разве теперь разберёшь?

Димка согласился, что разобрать трудно. Уж на что близко волостное село, а и то не поймёшь, чьё оно. Говорили, что занял его на-днях Козолуп... А что за Козолуп, какой он партии?

И он спросил у задумавшейся матери:

— Мам, а Козолуп зелёный?

— А пропади они все, вместе взятые!—с сердцем ответила та.— Все были люди как люди, а теперь поди-ка...

В сенцах темно. Сквозь распахнутую дверь виднеются густо пересыпанное звёздами небо и краешек светлого месяца. Димка зарывается глубже в солому, пригатавливаясь видеть продолжение интересного, но не досмотренного вчера сна. Засыпая, он чувствует, как приятно греет шею прикорнувший к нему верный Шмель.

* * *

В синем небе края облаков серебрятся от солнца. Широко по полям жёлтыми хлебами играет ветер, и лазурно-покоен летний день. Непокойны только люди. Где-то за тёмным лесом протрещали раскатисто пулемёты. Где-то за краем перекликнулись глухо орудия. И куда-то промчался кавалерийский отряд.

— Мам, с кем это?

— Отстань!

Отстал Димка, побежал к забору, взобрался на одну из жердей и долго смотрел вслед исчезающим всадникам.

Между тем Головень ходил злой. Каждый раз, когда через деревеньку проходил красный отряд, он скрывался где-то. И Димка понял, что Головень дезертир.

Как-то бабка послала Димку отнести Головню на сеновал кусок сала и ломоть хлеба. Подбираясь к укромному логову, он заметил, что Головень, сидя к нему спиной, мастерит что-то.

„Винтовка!—удивился Димка.—Вот так штука! На что она ему?“

Головень тщательно протёр затвор, заткнул ствол тряпкой и запрятал винтовку в сено.

Весь вечер и несколько следующих дней Димку разбирало любопытство посмотреть, что за винтовка: „Русская или немецкая? А может, там и наган есть?“

Как раз в это время утихло всё кругом. Прогнали красные Козолупа и ушли дальше на какой-то фронт. Тихо и безлюдно стало в маленькой деревушке, и Головень начал покидать сеновал и исчезать где-то подолгу. И вот как-то под вечер, когда лягушиными песнями зазвенел порозовевший пруд, когда гибкие ласточки заскользили по воздуху и бестолково зажужжала мошкара, решил Димка пробраться на сеновал.

Дверца была заперта на замок, но у Димки был свой ход—через курятник. Заскрипела отодвигаемая доска, громко заклохтели потревоженные куры. Испугавшись произведённого шума, Димка быстро

юркнул наверх. На сеновале было душно и тихо. Пробравшись в угол, где валялась красная подушка в перьях, и принявшись шарить под крышей, наткнулся на что-то твёрдое. „Приклад!“ Прислушался: на дворе—никого. Потянул и вытащил всю винтовку. Нагана не было. Винтовка оказалась русской. Димка долго вертел её, осторожно ощупывая и осматривая. „А что, если открыть затвор?“

Сам он никогда не открывал, но часто видел, как это делают солдаты. Потянул тихонько—рукоятка вверх подаётся. Отодвинул на себя доотказа. „Умею!“ горделиво подумал он, но тут же заметил под затвором вынырнувший откуда-то желтоватый патрон. Это его немного озадачило, и он решил закрыть снова. Теперь пошло ту же, и Димка заметил, что жёлтый патрон движется прямо в ствол. Он остановился в нерешительности, отодвинул от себя винтовку.

„И куда лезет, чорт!“

Однако надо было торопиться. Он закрыл затвор и начал потихоньку толкать ружьё на место. Запратал почти всё, как вдруг распахнулась дверь и прямо перед Димкой очутилось удивлённое и рассерженное лицо Головня.

— Ты что, собака, здесь делаешь?

— Ничего!—испуганно ответил Димка.—Я спал...—И незаметно двинул ногой в сено приклад винтовки.

В тот же момент грохнул глухой, но сильный выстрел. Димка чуть не сшиб Головня с лестницы, бросился сверху прямо на землю и пустился через огороды. Перескочив через плетень возле дороги, он оступися в канаву и, когда вскочил, почувствовал, как расшвырявший Головень вцепился ему в рубаху.

„Убьёт!—подумал Димка.—Ни мамки, никого—конец теперь“. И, получив сильный тычок в спину, от которого чёрная полоса поползла по глазам, он упал на землю, приготовившись получить ещё и ещё.

Но... что-то застучало по дороге. Почему-то ослабла рука Головня. И кто-то крикнул гневно и повелительно:

— Не смей!

Открыв глаза, Димка увидел сначала лошадиные ноги—целый забор лошадиных ног.

Кто-то сильными руками поднял его за плечи и поставил на землю. Только теперь рассмотрел он окружающих его кавалеристов и всадника в чёрном костюме, с красной звездой на груди, перед которым растерянно стоял Головень.

— Не смей!—повторил незнакомец и, взглянув на заплаканное лицо Димки, добавил:—Не плачь, мальчуган, и не бойся. Больше он не тронет ни сейчас, ни после.—Кивнул одному головой и с отрядом умчался вперёд.

Отстал один и спросил строго:

— Ты кто такой?

— Здешний, — хмуро ответил Головень.

— Почему не в армии?

— Год не вышел.

— Фамилия?.. На обратном пути проверим. — Ударил шпорами кавалерист, и прыгнула лошадь с места галопом.

И остался на дороге недоумевающий и не опомнившийся ещё Димка. Посмотрел назад — нет никого. Посмотрел по сторонам — нет Головня. Посмотрел вперёд и увидел, как чернеет точками и мчится, исчезая за горизонтом, красный отряд.

2.

Высохли на глазах слёзы. Утихла понемногу боль. Но идти дальней Димка боялся и решил обождать до ночи, когда улягутся все спать. Направился к речке. У берегов под кустами вода была тёмная и спокойная, посерединке отсвечивала розоватым блеском и тихонько играла, перекатываясь через мелкое каменистое дно.

На том берегу, возле опушки никольского леса, заблестел тускло огонёк костра. Почему-то он показался Димке очень далёким и заманчиво загадочным. „Кто бы это? — подумал он. — Пастух разве?.. А может, и бандиты! Ужин варят — картошку с салом или ещё что-нибудь такое...“ Ему очень хотелось есть.

В сумерках огонёк разгорался всё ярче и ярче, приветливо мигая издали мальчугану. Но ещё глубже хмурился, темнел в сумерках беспокойный никольский лес.

Спускаясь по тропке, Димка вдруг остановился: за поворотом, у берега, кто-то пел высоким переливающимся альтиком, как-то странно, и красиво разбивая слова:

Та-ваа-рищи, та-ва-рищи, —
Сказал он им в ответ, —
Да здра-вству-ит
Ра-сия!
Да здра-вству-ит
Совет!

„А, чтоб тебе! Вот наяривает!“ с восхищением подумал Димка и бегом пустился вниз.

На берегу он увидел небольшого худенького мальчишку, лежавшего возле затасканной сумки. Заслышав шаги, тот оборвал песню и с опаской посмотрел на Димку:

— Ты чего?

— Ничего... Так!

— А-а!—протянул тот, повидимому удовлетворённый ответом.— Драться, значит, не будешь?

— Чего-о?

— Драться, говорю... А то смотри! Я даром что маленький, а так отошью...

Димка вовсе и не собирался драться и спросил, в свою очередь:

— Это ты пел?

— Я.

— А ты кто?

— Я Жиган,—горделиво ответил тот.—Жиган из города... Прозвище у меня такое.

С размаху бросившись на землю, Димка заметил, как мальчишка испуганно отодвинулся.

— Барахло ты, а не жиган... Разве такие жиганы бывают?.. А вот песни поёшь здорово.

— Я, брат, всякие знаю. На станциях по эшелонам завсегда пел. Всё равно хоть красным, хоть петлюровцам, хоть кому... Ежели товарищам, скажем, тогда „Алёша-ша“, либо про буржуев. Белым—так тут надо другое: „Раньше были денежки, были и бумажки“, „Погибла Расея“, ну а потом „Яблочко“—его, конечно, на обе стороны петь можно, слова только переставлять надо.

Помолчали.

— А ты зачем сюда пришёл?

— Крёстная у меня тут, бабка Онуфриха. Я думал хоть с месяц отожраться! Куды там! Чтоб, говорит, тебя через неделю, через две здесь не было!

— А потом куда?

— Куда-нибудь. Где лучше.

— А где?

— Где? Кабы знать, тогда что! Найти надо.

— Приходи утром на речку, Жиган. Раков ловить будем!

— Не соврёшь? Обязательно приду!—весьма довольный, ответил тот.

Перескочив плетень, Димка пробрался на тёмный двор и заметил сидевшую на крыльце мать. Он подошёл к ней и, потянувши за платок, сказал серьёзно:

— Ты, мам, не ругайся... Я нарочно долго не шёл, потому Головень меня здорово избил.

— Мало тебе!—ответила она, оборачиваясь.—Не так бы надо...

Но Димка слышит в её словах и обиду, и горечь, и сожаление, но только не гнев.

* * *

Пришёл как-то на речку скучный-скучный Димка.

— Убежим, Жиган!—предложил он.—Закатимся куда-нибудь по-
дальше отсюда, право!

— А тебя мать пустит?

— Ты дурак, Жиган! Когда убегают, то ни у кого не спраши-
вают. Головень злой, дерётся. Из-за меня мамку и Топа гонит.

— Какого Топа?

— Братишку маленького. Топают он чудно, когда ходит, ну вот
и прозвали. Да и так надоело всё. Ну, что дома?

— Убежим!—оживлённо заговорил Жиган.—Мне что не бежать?
Я хоть сейчас. По эшелонам собирать будем.

— Как собирать?

— А так: спою я что-нибудь, а потом скажу: „Всем товарищам
нижайшее почтение, чтобы был вам не фронт, а одно развлечение.
Получать хлеба по два фунта, табаку по осьмушке, не попадаться
на дороге ни пулемёту, ни пушке“. Тут, как начнут смеяться, снять
шапку в сей же момент и сказать: „Граждане! Будьте добры, опла-
тите детский труд“.

Димка подивился лёгкости и уверенности, с какой Жиган выбра-
сывал эти фразы, но такой способ существования ему не особенно
понравился, и он сказал, что гораздо лучше бы вступить доброволь-
цами в какой-нибудь отряд, организовать собственный или уйти в пар-
тизаны. Жиган не возражал, и даже, наоборот, когда Димка благо-
склонно отозвался о красных, „потому что они за революцию“,
выяснилось, что Жиган служил уже у красных.

Димка посмотрел на него с удивлением и добавил, что ничего
и у зелёных, „потому что гусей они едят много“. Дополнительно
тут же выяснилось, что Жиган бывал также и у зелёных и регулярно
получал свою порцию, по полгуса в день.

План побега разрабатывали долго и тщательно. Предложение
Жигана бежать сейчас же, не заходя даже домой, было решительно
отвергнуто.

— Перво-наперво хлеба надо хоть для начала захватить,—заявил
Димка,—а то как из дома, так и по соседям. А потом спичек...

— Котелок бы хорошо. Картошки в поле нарыл—вот тебе и
обед!

Димка вспомнил, что Головень принёс с собой крепкий медный
котелок. Бабка начистила его золой и, когда он заблестел, как празд-
ничный самовар, спрятала в чулан.

— Заперто только, а ключ с собой носит.

— Ничего!—заявил Жиган.—Из-под всякого запора при случае
можно, повадка только нужна.

Решили теперь же начать запасать провизию. Прятать Димка
предложил в солому у сараев.

— Зачем у сараев?—возразил Жиган.—Можно ещё куда-либо...
А то рядом с мёртвыми!

— А тебе что мёртвые?—насмешливо спросил Димка.

В тот же день Димка притащил небольшой ломоть сала, а Жиган—тщательно завёрнутые в бумажку три спички.

— Нельзя помногу,—пояснил он.—У Онуфрихи всего две коробки, так надо, чтобы незаметно.

И с этой минуты побег был решён окончательно.

* * *

А везде беспокойно бурлила жизнь. Где-то недалеко проходил большой фронт. Ещё ближе несколько второстепенных, поменьше. А кругом красноармейцы гонялись за бандами, или банды за красноармейцами, или атаманы дрались меж собой. Крепок был атаман Козолуп. У него морщина поперёк упрямого лба залегла изломом, а глаза из-под седоватых бровей посматривали тяжело. Угрюмый атаман! Хитёр, как черт, атаман Лёвка. У него и конь смеётся, оскаливая белые зубы, так же как и он сам. Но с тех пор, как отбилса он из-под начала Козолупа, сначала глухая, а потом и открытая вражда пошла между ними.

Написал Козолуп приказ поселянам: „Не давать Лёвке ни сала для людей, ни сена для коней, ни хат для ночлега“.

Засмеялся Лёвка, написал другой.

Прочитали красные оба приказа. Написали третий: „Объявить Лёвку и Козолупа вне закона“—и всё. А много им расписывать было некогда, потому что здорово гнулса у них главный фронт.

И пошло тут что-то такое, чего и не разберёшь. Уж на что дед Захарий! На трёх войнах был. А и то, когда садился на завалинке возле рыжей собачонки, которой пьяный петлюровец шашкой ухо отрубил, говорил:

— Ну и времечко!

Приехали сегодня зелёные, человек двадцать. Заходили двое к Головному. Гоготали и пили чашками мутный крепкий самогон.

Димка смотрел на них с любопытством.

Когда Головень ушёл, Димка, давно хотевший узнать вкус самогонки, слил остатки из чашек в одну.

— Ди-мка, мне!—плаксиво захныкал Топ.

— Оставляю, оставляю!

Но едва он опрокинул чашку в рот, как, отчаянно отплёвываясь, вылетел во двор.

Возле сараев он застал Жигана.

— А я, брат, штуку знаю.

— Какую?

— У нас за хатой зелёные яму через дорогу роют, а чорт её знает—зачем. Должно, чтоб никто не ездил.

— Как же можно не ездить?—с сомнением возразил Димка.— Тут не так что-то. Не иначе, как что-нибудь затевается.

Пошли осматривать свои запасы. Их было ещё немного: два куска сала, кусок варёного мяса и с десяток спичек.

* * *

В тот вечер солнце огромным красноватым кругом повисло над горизонтом у надеждинских полей и заходило понемногу, не торопясь, точно любуясь широким покоем отдыхающей земли.

Далеко, в Ольховке, приткнувшись к опушке никольского леса, ударил несколько раз колокол. Но не тревожным набатом, а так просто, мягко-мягко. И когда густые дрожащие звуки мимо соломенных крыш дошли до ушей старого деда Захария, подивился он немного давно не слыханному спокойному звону и, перекрестившись неторопливо, крепко сел на своё место, возле покривившегося крылечка. А когда сел, то подумал: „Какой же это праздник завтра будет?“ И спросил Захарий, постучавши палкой в окошко, у выглянувшей оттуда старухи:

— Горпина, а Горпина, или у нас завтра воскресенье будет?

— Что ты, старый!—недовольно ответила перепачканная в муке Горпина.—Разве же после среды воскресенье бывает?

— Ото ж и я так думаю...

И усомнился дед Захарий, не напрасно ли крест он на себя наложил и не худой ли какой это звон.

Набежал ветерок, чуть колыхнул седую бороду. И увидел дед Захарий, как высунулись любопытные бабы из окошек, выкатились ребятишки из-за ворот, а с поля донёсся какой-то протяжный струнный звук, как будто заревел бык либо корова в стаде, только ещё резче и дольше.

— Уо-уу-ууу...

А потом вдруг, как хряснуло по воздуху, как забухали подле поскотины выстрелы... Захлопнулись разом окошки, исчезли с улиц ребятишки. И не мог только встать и сдвинуться напуганный старик, пока не закричала на него Гарпина:

— Ты тюпайся швидче, старый дурак! Или ты не видишь, что такое начинается?

А в это время у Димки колотилось сердце такими же неровными, как выстрелы, ударами, и хотелось ему выбежать на улицу, узнать, что там такое. Было ему страшно, потому что побледнела мать и сказала не своим, тихим голосом:

— Ляг... ляг на пол, Димушка. Господи, только бы из орудиев не начали!

У Топа глаза сделались большие-большие, и он застыл на полу приткнувши голову к ножке стола. Но лежать ему было неудобно, и он сказал плаксиво:

— Мам, я не хочу на полу, я на печку лучше.

— Лежи, лежи! Вот придёт гайдамак... он тебе!

В эту минуту что-то особенно здорово грохнуло, так что зазвенели стёкла окошек, и показалось Димке, что дрогнула земля. „Бомбы бросают!“ подумал он и услышал, как мимо потемневших окон с топотом и криками пронеслось несколько человек.

Всё стихло. Прошло ещё с полчаса. Кто-то застучал в сенцах, изругался, наткнулся на пустое ведро. Распахнулась дверь, и в хату вошёл вооружённый Головень.

Он был чем-то сильно разозлён, потому что, выпивши залпом ковш воды, оттолкнул сердито винтовку в угол и сказал с нескрываемой досадой:

— Ах, чтоб ему!..

* * *

Утром встретились ребята рано.

— Жиган,—спросил Димка,—ты не знаешь, отчего вчера...

С кем это?

У Жигана юркие глаза блеснули самодовольно. И он ответил важно:

— О, брат! Было у нас вчера дело...

— Ты не ври только! Я ведь видел, как ты сразу тоже за огороды припустился.

— А почём ты знаешь? Может, я кругом!—обиделся Жиган.

Димка сильно усомнился в этом, но перебивать не стал.

— Машина вчера ехала, а ей в Ольховке починка была. Она только оттуда, а Гаврила-дьякон в колокол: бум!..—сигнал, значит.

— Ну?

— Ну, вот и ну... Подъехала к деревне, а по ней из ружей. Она было назад, глядь—ограда уже заперта.

— И поймали кого?

— Нет... Оттуда такую стрельбу подняли, что и не подступиться. А потом видят—дело плохо, и врассыпную... Тут их и постреляли. А один убёг. Бомбу бросил рядышком, у Онуфрихиной хаты все стёкла полопались. По нём из ружей кроют, за ним гонятся, а он через плетень, через огороды, да и утёк.

— А машина?

— Машина и сейчас тут... только негодная, потому что, как убегать, один гранатой запустил. Всю искарёжил. Я уж бегал... Федька Марьин допрежь меня ещё поспел. Гудок стащил. Нажмёшь резину, а он как завоет!

Весь день только и было разговоров, что о вчерашнем происшествии. Зелёные ускакали ещё ночью. И осталась снова без власти маленькая деревушка.

* * *

Между тем приготовления к побегу подходили к концу. Оставалось теперь стащить котелок, что и решено было сделать завтра вечером при помощи длинной палки с насаженным гвоздём через маленькое окошко, выходящее в огород.

Жиган пошёл обедать.

Димке не сиделось, и он отправился ожидать его к сараям.

Завалился было сразу на солому и начал баловаться, защищаясь от яростно атакующего его Шмеля, но вскоре привстал, немного встревоженный. Ему показалось, что снопы разбросаны как-то не так, не по-обыкновенному. „Неужели из ребят кто-нибудь лазил? Вот черти!“ И он подошёл, чтобы проверить, не открыл ли кто место, где спрятана провизия. Пошарил рукой—нет, тут! Вытащил сало, спички, хлеб. Полез за мясом—нет!

— Ах, черти!—выругался он.—Это не иначе, как Жиган сожрал. Если бы кто из ребят, так тот уж всё сразу бы.

Вскоре показался и Жиган. Он только что пообедал, а потому был в самом хорошем настроении и подходил, беспечно насвистывая.

— Ты мясо ел?—спросил Димка, уставившись на него сердито.

— Ел!—ответил тот.—Вку-усно...

— Вкусно!—напустился на него разозлённый Димка.—А тебе кто позволил? А где такой уговор был? А на дорогу что?.. Вот я тебя тресну по башке, тогда будет вкусно!..

Жиган опешил.

— Так это же я дома за обедом. Онуфриха раздобрилась, кусок из шей вынула, здоро-овый!

— А отсюда кто взял?

— И не знаю вовсе.

— Побожись.

— Ей-богу! Вот чтоб мне провалиться сей же секунд, ежели брал.

Но потому ли, что Жиган не провалился „сей же секунд“ или потому, что отрицал обвинение с необыкновенной горячностью, только Димка решил, что в виде исключения на этот раз Жиган не врёт.

И, глазами скользнув по соломе, Димка позвал Шмеля, протягивая руку к хворостине:

— Шмель, а ну поди сюда!

Но Шмель не любил, когда с ним так разговаривали. И, бросив теревить жгут, опустив хвост, он сразу же направился в сторону.

— Он сожрал!—с негодованием подтвердил Жиган.—И кусок-то какой жи-рный!

Перепрятали всё повыше, заложили доской и привалили кирпич.

Потом лежали долго, рисуя заманчивые картины будущей жизни.

— В лесу ночевать возле костра... хорошо!

— Темно только ночью,—с сожалением заметил Жиган.

— А что темно? У нас ружья будут, мы и сами...

— Вот если поубивают,—начал опять Жиган и добавил серьёзно:— Я, брат, не люблю, чтоб меня убивали.

— Я тоже,—сознался Димка.—А то что, в яме-то... вон как эти.—И он кивнул головой туда, где покривившийся крест чуть-чуть вырисовывался из-за густых сумерек.

При этом напоминании Жиган съёжился и почувствовал, что в вечернем воздухе стало как бы прохладнее.

Но, желая показаться молодцом, он ответил равнодушно:

— Да, брат... А у нас была один раз штука...

И оборвался, потому что Шмель, улётшийся под боком Димки, поднял голову, насторожил уши и заворчал предостерегающе и сердито.

— Ты что? Что ты, Шмелик?—с тревогой спросил его Димка и погладил по голове.

Шмель замолчал и снова положил голову между лап.

— Крысу чует,—шопотом проговорил Жиган и, притворно зевнув, добавил:—Домой надо идти, Димка.

— Сейчас. А какая у вас была штука?

Но Жигану стало уже не до штуки, и, кроме того, то, что он собирался соврать, вылетело у него из головы.

— Пойдём,—согласился Димка, обрадовавшись, что Жиган не вздумал продолжать рассказ.

Встали. Шмель поднялся тоже, но не пошёл сразу, а остановился возле соломы и снова заворчал тревожно, как будто дразнил его кто из темноты.

— Крыс чует!—повторил теперь Димка.

— Крыс?—упавшим голосом ответил Жиган.—А только почему же это он раньше их не чуял?

И добавил негромко:

— Холодно что-то. Давай побежим, Димка!

* * *

— А большевик тот, что убёг, где-либо подле деревни недалеко.

— Откуда ты знаешь?

— Так, думаю! Посылала меня сейчас Онуфриха к Горпине, чтобы взять взаймы полчашки соли. А у неё в тот день рубаха с плетня пропала. Я пришёл, слышу из сенец, ругается кто-то: „... И бросил,—

говорит,—какой-то рубаху под жерди. Мы ж с Егорихой смотрим: она порвана, и кабы немного, а то вся как есть“. А дед Захарий слушал-слушал, да и говорит: „О, Горпина...“

Тут Жиган многозначительно остановился, посматривая на Димку, и только когда тот нетерпеливо занукал, начал снова:

— А дед Захарий и говорит: „О, Горпина, ты спрячь лучше язык подальше“. Тут я вошёл в хату. Гляжу, а на лавке рубашка лежит, порванная и вся в крови. И как увидела меня, села на неё Горпина сей же секунд и велит: „Поддай ему, старый, с полчашки“, а сама не поднимается. А мне что, я и так видел. Так вот, думаю, это большевика пулей подшибло.

Помолчали, обдумывая неожиданно подслушанную новость. У одного глаза прищурились, уставившись неподвижно и серьёзно. У другого забегали и заблестели.

И сказал Димка:

— Вот что, Жиган, молчи лучше и ты. Много и так поубивали красных у нас возле деревни, и всё поодиночке.

* * *

На завтра утром был назначен побег. Весь день Димка был сам не свой. Разбил нечаянно чашку, наступил на хвост Шмелю и чуть не вышиб кринку кислого молока из рук входившей бабки, за что и получил здоровую оплеуху от Головня.

А время шло. Час за часом прошёл полдень, обед, наступил вечер.

Спрятались в огороде, за бузиной, у плетня, и стали выжидать.

Засели они рановато, и долго ещё через двор проходили люди.

Наконец пришёл Головень, позвала Топа мать. И прокричала с крыльца:

— Димка! Диму-ушка! Где ты делся?

„Ужинать!“ решил он, но откликнуться, конечно, и не подумал. Мать постояла-постояла и ушла.

Подождали. Крадучись вышли. Возле стенки чулана остановились. Окошко было высоко. Димка согнулся, упёршись руками в колени. Жиган забрался к нему на спину и осторожно просунулся в окошко.

— Скорее ты! У меня спина не каменная.

— Темно очень,—шопотом ответил Жиган. С трудом зацепив котелок, он потащил его к себе и спрыгнул.—Есть!

— Жиган,—спросил Димка,—а колбасу где ты взял?

— Там висела ря-адышком. Бежим скорей!

Проворно юркнули в сторону, но за плетнём вспомнили, что забыли палку с крюком у стенки. Димка—назад. Схватил и вдруг увидел, что в дыру плетня просунул голову и любопытно смотрит на него Топ.

Димка, с палкой и с колбасой, так растерялся, что опомнился тогда, когда Топ спросил его:

— Ты зачем койбасу стащил?

— Это не стащил, Топ. Это надо,—поспешно ответил Димка.— Воробушков кормить. Ты любишь, Топ, воробушков? Чирик-чирик!.. Чирик-чирик!.. Ты не говори только. Не скажешь? Я тебе гвоздь завтра дам хороший!

— Воробушков?—серьёзно спросил Топ.

— Да-да! Вот ей-богу!.. У них нет... Бе-едные!

— И гвоздь дашь?

— И гвоздь дам... Ты не скажешь, Топ? А то не дам гвоздя и с Шмелькой играть не дам.

И, получив обещание молчать (но про себя усомнившись в этом сильно), Димка помчался к нетерпеливо ожидавшему Жигану.

Сумерки наступали торопливо, и когда ребята добежали до сараев, чтобы спрятать котелок и злополучную колбасу, было уже темно.

— Прячь скорей!

— Давай!—и Жиган полез в щель, под крышу.—Димка, тут темно,—тревожно прошептал он.—Я не найду ничего...

— А, дурной, врешь ты, что не найдёшь! Испугался уж?

Полез сам. В потёмках нащупал руку Жигана и почувствовал, что она дрожит.

— Ты чего?—спросил он, ощущая, что страх начинает передаваться и ему.

— Там...—и Жиган крепче ухватился за Димку.

И Димка ясно услышал доносившийся из тёмной глубины сарая тяжёлый, сдавленный стон.

В следующую же секунду, с криком скатившись вниз, не различая ни дороги, ни ям, ни тропинок, оба в ужасе неслись прочь.

3.

В эту ночь долго не мог заснуть Димка. Понемногу в голове у него начали складываться кое-какие предположения: „Крысы... Кто съел мясо?... Рубашка... стон... А что если?..“

Он долго ворочался и никак не мог отделаться от одной навязчиво повторявшейся мысли.

Утром он был уже у сараев. Отвалил солому и забрался в дыру. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь многочисленные щели, прорезали полутьму пустого сарая. Передние подпорки там, где должны были быть ворота, обвалились, и крыша осела, наглухо завалив вход. „Где-то тут“, подумал Димка и пополз. Завернул за груды рассыпавшихся

необожжённых кирпичей и остановился, испугавшись. В углу, на со-
ломе, вниз лицом лежал человек. Заслышав шорох, он чуть поднял
голову и протянул руку к валявшемуся нагану. Но потому ли, что
изменили ему силы, или ещё почему-либо, только, всмотревшись
воспалёнными, мутными глазами, разжал он пальцы, опустил револь-
вер и, приподнявшись, проговорил хрипло, с трудом ворочая языком:

— Пить!

Димка сделал шаг вперёд. Блеснула звёздочка с белым венком,
и Димка едва не крикнул от удивления, узнав в раненом незнакомца,
когда-то вырвавшего его из рук Головня.

Пропали все страхи, все сомнения, осталось только чувство жа-
лости к человеку, так горячо заступившемуся за него.

Схватив котелок, Димка помчался за водой на речку. Возвра-
щаясь бегом, он едва не столкнулся с Марьиным Федькой, помогав-
шим матери тащить мокрое бельё. Димка поспешно шмыгнул в кусты
и видел оттуда, как Федька замедлил шаг, с любопытством поворачи-
вая голову в его сторону. И если бы мать, заметившая, как сразу
потяжелела корзина, не крикнула сердито: „Да неси ж, дьяволёнок,
чего ты завихлялся?“ то Федька, конечно не утерпел бы проверить,
кто это спрятался столь поспешно в кустах.

Вернувшись, Димка увидел, что незнакомец лежит, закрыв глаза,
и шевелит слегка губами, точно разговаривая с кем-то во сне. Димка
тронул его за плечо, и когда тот, открыв глаза, увидел перед собой
мальчугана, что-то вроде слабой улыбки обозначилось на его пере-
сохших губах. Напившись, уже ясней и внятней незнакомец
спросил:

— Красные далеко?

— Далеко. И не слышать вовсе.

— А в городе?

— Петлюровцы, кажись...

Поник головой раненый и спросил у Димки:

— Мальчик, ты никому не скажешь?

И было в этой фразе столько тревоги, что вспыхнул Димка и
принялся уверять, что не скажет.

— Жигану разве!

— Это с которым вы бежать собирались?

— Да,— смутившись, ответил Димка.— Вот и он, кажется.

Засвистел соловей раскатистыми трелями. Это Жиган разыски-
вал и дивился, куда это пропал его товарищ.

Высунувшись из дыры, но не желая кричать, Димка запустил
в него легонько камешком.

— Ты чего?— спросил Жиган.

— Тише! Лезь сюда... Надо.

— Так ты позвал бы, а то на-ко... камнем! Ты б ещё кирпичом запустил.

Спустились оба в дыру. Увидев перед собой незнакомца и тёмный револьвер на соломе, Жиган остановился, оробев.

Незнакомец открыл глаза и спросил просто:

— Ну что, мальчуганы?

— Это вот Жиган!—И Димка тихонько подтолкнул его вперёд.

Незнакомец ничего не ответил и только чуть наклонил голову.

Из своих запасов Димка притащил ломоть хлеба и вчерашнюю колбасу.

Раненый был голоден, но сначала ел мало, больше тянул воду.

Жиган и Димка сидели почти всё время молча.

Пуля зелёных ранила человека в ногу; кроме того, три дня у него не было ни глотка воды во рту, и измучился он сильно.

Закусив, он почувствовал себя лучше, глаза его заблестели.

— Мальчуганы!—сказал он уже совсем ясно. И по голосу только теперь Димка ещё раз узнал в нём незнакомца, крикнувшего Головню: „Не смей!“—Вы славные ребяташки... Я часто слушал, как вы разговаривали... Но если вы проболтаетесь, то меня убьют...

— Не должны бы!—неуверенно вставил Жиган.

— Как не должны бы?—разозлился Димка.—Ты говори: нет, да всё... Да вы его не слушайте,—чуть ли не со слезами обратился он к незнакомцу.—Ей-богу, не скажем! Вот провалиться мне, всё обещаю... Вздую...

Но Жиган сообразил и сам, что сболтнул он что-то несурзное, и ответил извиняющимся тоном:

— Да я, Дим, и сам... что не должны, значит... ни в коем случае.

И Димка увидел, как незнакомец снова улыбнулся.

* * *

За обедом Топ сидел-сидел, да и выпалил:

— Давай, Димка, гвоздь, а то я мамке скажу, что ты койбасу воробушкам таскал.

Димка едва не подавился куском картошки и громко зашумел табуреткой. К счастью, Головня не было, мать доставала похлёбку из печки, а бабка была туговата на ухо.

И Димка проговорил шопотом, подталкивая Топу ногой:

— Дай пообеду, у меня уже припасён.

„Чтоб тебе неладно было!—думал, вставая из-за стола.—Потянуло же за язык“.

После некоторых поисков выдернул он в сарае из стены здоровенный железный гвоздь и отнёс Топу.

— Большой больно, Димка!—сказал Топ, удивлённо поглядывая на толстый и неуклюжий гвоздь.

— Что большой? Вот оно и хорошо, Топ. А чего маленький: заколотишь сразу—и всё. А тут долго сидеть можно: тук, тук... Хороший гвоздь!

Вечером Жиган нашёл у Онуфрихи кусок чистого холста для повязки. А Димка, захватив из своих запасов кусок сала побольше, решил раздобыть иоду.

* * *

Отец Перламутрий, в одном подряснике и без сапог, лежал на кушетке и с огорчением думал о пришедших в упадок делах из-за церкви, сгоревшей от снаряда ещё в прошлом году. Но, полежав немного, он вспомнил о скором приближении храмового праздника и неотделимых от него благодеяниях. И образы поросятины, кружков масла и стройных сметанных кринок дали, повидимому, другое направление его мыслям, потому что отец Перламутрий откашлялся солидно и подумал о чём-то, улыбаясь.

Вошёл Димка и, спрятав кусок сала за спину, проговорил негромко:

— Здравствуйте, батюшка.

Отец Перламутрий вздохнул, перевёл взгляд на Димку и спросил, не поднимаясь:

— Ты что, чадо, ко мне или к попадье?

— К ней, батюшка.

— Гм... А поелику она в отлучке, я пока за неё.

— Мамка прислала. Повредилась немного, так поди, говорит, не даст ли попадьа малость иоду. И пузырёк вот прислала махонький.

— Пузырёк... Гм...—с сомнением кашлянул отец Перламутрий.—Пузырёк что!.. А что ты, хлопец, руки назади держишь?

— Сала тут кусок. Говорила мать, если нальёт, отдай в благодарность...

— Если нальёт?

— Ей-богу, так и сказала.

— О-хо-хо,—проговорил отец Перламутрий, поднимаясь.—Нет чтобы просто прислать, а вот: „если нальёт“...—И он покачал головой.—Ну, давай, что ли сало... Старое!

— Так нового еще ж не кололи, батюшка.

— Знаю и сам, да можно бы пожирнее... хоть и старое. Пузырёк где? Что это мать тебе целую четверть не дала? Разве ж возможно полный?

— Да в нём, батюшка, два напёрстка всего. Куда же меньше?

Батюшка постоял, немного раздумывая.

— Ты скажи-ка, пусть лучше мать сама придёт. Я прямо сам ей и смажу. А наливать... к чему же?

Но Димка отчаянно замотал головой.

— Гм... Что ты головой мотаешь?

— Да вы, батюшка, наливайте,—поспешно заговорил Димка,— а то мамка наказывала: „Как если не будут давать, бери, Димка, сало и тащи назад“.

— А ты скажи ей: „Дарствующий да не печётся о даре своём, ибо будет перед лицом всевышнего дар сей всеу“. Запомнишь?

— Запомню!.. А вы всё-таки наливайте, батюшка.

Отец Перламутрий надел на босу ногу туфли—причём Димка подивился их необычайным размерам и, прихватив сало, ушёл с пузырьком в другую комнату.

— На вот,—проговорил он, выходя.—Только от доброты своей...— И спросил, подумав:—А у вас куры несутся, хлопец?

— От доброты!—разозлился Димка.—Меньше половины...— И на повторный вопрос, выходя из двери, ответил серьёзно:—У нас, батюшка, кур нету, одни петухи только.

* * *

Между тем о красных не было слуху, и мальчуганам приходилось быть начеку.

И всё же часто они пробирались к сараям и подолгу проводили время возле незнакомца.

Он охотно болтал с ними, рассказывал и шутил даже. Только иногда, особенно когда заходила речь о фронтах, глубокая складка залегала возле бровей, он замолкал и долго думал о чём-то.

— Ну, что, мальчуганы, не слышать, как там?

„Там“—это на фронте. Но слухи в деревне ходили смутные, разноречивые.

И хмурился и нервничал тогда незнакомец. И видно было, что больше, чем ежеминутная опасность, больше, чем страх за свою участь, тяготили его незнание, бездействие и неопределённость.

Привязались к нему оба мальчугана. Особенно Димка. Как-то раз, оставив дома плачущую мать, пришёл он к сараям печальный, мрачный.

— Головень бьёт...—пояснил он.—Из-за меня мамку гонит. Топа тоже... Уехать бы к батьке в Питер... Но никак.

— Почему никак?

— Не проедешь? пропуски разные. Да билеты, где их выхлопочешь? А без них нельзя.

Подумал незнакомец и сказал:

— Если бы были красные, я бы тебе достал пропуск, Димка.

— Ты?!— удивился тот. И после некоторого колебания спросил то, что давно его занимало:— А ты кто? Я знаю: ты пулемётный начальник, потому что раз возле тебя солдат был с „льюисом“.

Засмеялся незнакомец и кивнул головой так, что можно было понять — и да и нет.

И с тех пор Димка ещё больше захотел, чтобы скорее пришли красные.

А неприятностей у него набиралось всё больше и больше. Безжалостный Топ уже пятый раз требовал по гвоздю и, несмотря на то, что получал их, всё-таки проболтался матери. Затем в кармане штанов мать разыскала остатки махорки, которую Димка таскал для раненого. Но самое худшее надвинулось только сегодня. По случаю праздника за доброхотными даяниями завернул в хату отец Перламутрий. Между разговорами он вставил, обращаясь к матери:

— А сало всё-таки старое, так ты бы с десяточек яиц за лекарство дополнительно...

— За какое ещё лекарство?

Димка заёрзал беспокойно на стуле и съёжился под устремлёнными на него взглядами.

— Я, мама... собачке, Шмелику... — неуверенно ответил он. — У него ссадина была здоровая...

Все замолчали, потому что Головень, двинувшись на скамейке, сказал:

— Сегодня я твоего пса пристрелю. — И потом добавил, поглядывая как-то странно: — А к тому же ты врешь, кажется. — И не сказал больше ничего, не избил даже.

— Возможно ли! Для всякой твари сей драгоценный медикамент? — с негодованием вставил отец Перламутрий. — А поелику солгал, повинен дважды: на земли и на небеси. — При этом он поднял многозначительно большой палец, перевёл взгляд с земляного пола на потолок и, убедившись в том, что слова его произвели должное впечатление, добавил, обращаясь к матери: — Так я, значит, на десяточек располагаю.

Вечером, выходя из дома, Димка обернулся и заметил, что у плетня стоит Головень и провожает его внимательным взглядом.

Он нарочно свернул к речке.

— Димка, а говорят про нашего-то на деревне, — огорошил его при встрече Жиган. — Тут, мол, он, недалеко где-либо. Потому рубашка... а к тому же Сёмка старостин возле Горпининога забора книжку нашёл, тоже кровавая. Я сам один листочек видел. Белый, а в углу буквы „Р. В. С.“ и палочки, вроде как на часах.

Димке даже в голову шибануло.

— Жиган, — шопотом сказал он, хотя кругом никого не было. —

надо, тово... ты не ходи туда прямо... лучше вокруг бегай. Как бы не заметили.

Предупредили незнакомца.

— Что же, — сказал он, — будьте только осторожней, ребята. А если не поможет, ничего тогда не поделаешь... Не хотелось бы, правда, так нелепо пропадать...

— А если лепо?

— Нет такого слова, Димка. А если не задаром, тогда можно.

— И песня такая есть, — вставил Жиган. — Кабы не теперь, я спел бы, — хорошая песня. Повели коммуниста, а он им объясняет у стенки... Мы знаем, говорит, по какой причине боремся, знаем, за что и умираем... Только ежели словами рассказывать, не выходит. А вот когда солдаты на фронт уезжали, ну и пели... Уж на что железно-дорожные, и те рты раскрыли, так тебя и забирает.

Домой возвращались поодиночке. Димка ушёл раньше; он добросовестно направился к реке, а оттуда — домой.

Между тем Жиган со свойственной ему беспечностью захватил у незнакомца флягу, чтобы набрать воды, забыл об уговорах и пошёл ближайшим путём — через огороды. Замечтавшись, он засвистел и оборвал сразу, когда услышал, как что-то хрустнуло возле кустов.

— Стой, дьявол! — крикнул кто-то. — Стой, собака!

Он испуганно шарахнулся, бросился в сторону, взметнулся на какой-то плетень и почувствовал, как кто-то крепко ухватил его за штанину. С отчаянным усилием он лягнул ногой, повидимому попав кому-то в лицо. И, перевалившись через плетень на грядки с капустой, выпустив флягу из рук, он кинулся в темноту.

Димка вернулся, ничего не подозревая, и сразу же завалился спать. Не прошло и двадцати минут, как в хату с ругательствами ввалился Головень и сразу же закричал на мать:

— Пуст лучше твой дьяволёнок и не ворочается вовсе... Ногой меня по лицу съездил... Убью...

— Когда съездил? — со страхом спросила мать.

— Когда? Сейчас только.

— Да он спит давно.

— А, чорт! Прибёг, значит, только что. Каблуком по лицу стукнул, а она — спит! — И он распахнул дверь, направляясь к Димке.

— Что ты! Что ты! — испуганно заговорила мать. — Каким каблуком? Да у него с весны и обувки нет никакой. Он же босый! Кто ему покупал?... Ты спятил, что ли?

Но, повидимому, Головень тоже сообразил, что нету у Димки ботинок. Он остановился, выругался и вошёл в избу.

— Гм... — промышчал он, усаживаясь на лавку и бросая на стол флягу. — Ошибка вышла... Но кто же и где его скрывает? И рубашка,

и листки, и фляга... — Потом помолчал и добавил:—А собаку-то вашу я убил всё-таки.

— Как убил? — переспросила мать.

— Так. Бабахнул в башку, да и всё тут.

Димка, уткнувшись лицом в полубубок, зарывшись глубоко в поддёвку, дёргался всем телом и плакал беззвучно, но горько-горько.

Когда утихло всё, ушёл на сеновал Головень, подошла к Димке мать и, заметив, что он всхлипывает, сказала успокаивая:

— Ну будет, Димушка! Стоит об собаке...

Но при этом напоминании перед глазами Димки ещё яснее и ярче встал образ ласкового, помахивающего хвостом Шмеля, и ещё с большей силой он затрясся и ещё крепче втиснул голову в намокшую от слёз овчину.

* * *

— Эх ты! — проговорил Димка и не сказал больше ничего.

Но почувствовал Жиган в словах его такую горечь, такую обиду, что смутился окончательно.

— Разве ж я знал, Димка?

— „Знал“! А что я говорил?... Долго ли было кругом обежать? А теперь что? Вот Головень седло налаживает, ехать куда-то хочет. А куда? Не иначе, как к Лёвке или ещё к кому—даёшь, мол, обыск!

Незнакомец тоже посмотрел на Жигана. Был в его взгляде только лёгкий укор, и сказал он мягко:

— Хорошие вы, ребята... — И даже не рассердился, как будто не о нём и речь шла.

Жиган стоял молча, глаза его не бегали, как всегда, по сторонам, ему нечем было оправдываться, да и не хотелось. И он ответил, хмуро и не на вопрос:

— А красные в городе. Нищий Авдей пришёл. Много, говорит, и всё больше на конях.—Потом он поднял глаза и сказал всё тем же виноватым и негромким голосом:—Я попробовал бы... Может, попробуешь как-нибудь... успею ещё.

Удивился Димка. Удивился незнакомец, заметив серьёзно остановившиеся на нём большие тёмные глаза мальчугана. И больше всего удивился откуда-то внезапно набравшейся решимости сам Жиган.

Так и решили. Торопливо вырвал незнакомец листок из книжки. И пока он писал, увидел Димка в левом углу те же три загадочные буквы „Р. В. С.“ и потом палочки, как на часах.

— Вот, — проговорил он, подавая, — возьми, Жиган... ставлю аллюр, два креста. С этим значком каждый солдат—хоть ночью, хоть когда—сразу же отдаст начальнику. Да не попадись смотри.

— Ты не подкачай,—добавил Димка.—А то не берись вовсе...
Дай я.

Но у Жигана снова заблестели глаза, и он ответил с ноткой вернувшегося бахвальства:

— Знаю сам... Что мне, впервой, что ли?

И, выскочив из щели, он огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, пустился краем наперерез дороге.

Солнце ещё стояло высоко над никольским лесом, когда выбежал на дорогу Жиган и когда мимо Жигана по той же дороге рысью промчался куда-то Головень.

* * *

Недалеко от опушки Жиган догнал подводы, нагруженные мукой и салом. На телегах сидело пять человек с винтовками. Подводы двигались потихоньку, а Жигану надо было торопиться, поэтому он свернул в кусты и пошёл дальше не по дороге, а краем леса.

Попадались полянки, заросшие высокими жёлтыми цветами. В тени начинала жужжать мошкара. Проглядывали ягоды дикой малины. На ходу он оборвал одну, другую, но не остановился ни на минуту.

„Вёрст пять отмахал!—подумал он.—Хорошо бы дальше так же без задержки“. Замедляли ходьбу сучья, и он вышел на дорогу.

Завернул за поворот и зажмурился. Прямо навстречу брызгали густые красноватые лучи заходящего солнца. С верхушки высокого клёна по-вечернему звонко пересвистнула какая-то пташка, и что-то затрепыхалось в листве кустов.

— Эй! — услышал он негромкий окрик.

Обернулся и не увидел никого.

— Эй, хлопец, поди сюда!

Жиган разглядел за небольшим стогом сена у края дороги двух человек с винтовками, кого-то поджидавших. В стороне у деревьев стояли их кони.

Подошёл.

— Откуда ты идёшь?... Куда?

— Откуда... — И он, махнув рукой, запнулся, придумывая дальше.—С хутора я. Корова убегла... Может, повстречали где? Рыжая, и рог у ей один спилен. Ей-богу, как провалилась, а без её—хоть не ворочайся.

— Не видели... Тёлка тут бродила какая-то, так ту наши ещё в утро сожрали... А тебе не попадались подводы какие?

— Едут какие-то... должно, рядом уже.

Последнее сообщение крайне заинтересовало спрашивающих, потому что они поспешно направились к коням.

— Забирайся!—крикнул один, подводя лошадей.—Сядешь ко мне за спину.

— Мне домой надо, у меня корова...—жалобно завопил Жиган.—Куда я поеду?..

— Забирайся, куда говорят. Тут недалеко отпустим. А то ты еще сболтнёшь подводчикам.

Тщетно уверял Жиган, что у него корова, что ему домой и что он ни слова не скажет подводчикам,—ничто не помогало. И совершенно неожиданно для себя он очутился за спиной у одного из зелёных. Поехали рысью. В другое время это доставило бы ему очень большое удовольствие, но сейчас совсем нет, особенно когда он понял из нескольких брошенных слов, что едут они к отряду Лёвки, ожидающемуся чего-то в лесу. „А ну как Головень там,—мелькнула вдруг мысль,—да узнает сейчас, что тогда?“ И, почти не раздумывая, под впечатлением обуявшего его ужаса, он слетел кубарем с лошади и бросился с дороги.

— Куда, дьяволёнок?—круто остановил лошадь и вскинул винтовку один.

Может быть, и не успел бы добежать до деревьев Жиган, если бы другой не схватил за руку товарища и не крикнул сердито:

— Стой!.. Не стреляй: всё дело испортишь.

Не вбежал, а врезался в гущу леса Жиган. Напролом через чащу, через кусты, глубже и глубже. И только когда очутился посреди сплошной заросли осинника и сообразил, что никак не смогут проникнуть сюда конные, остановился перевести дух.

„Лёвка!—подумал он.—Не иначе, как к нему Головень.—И сразу же сжалось сердце.—Хоть бы не успели до темноты: ночью всё равно не найдут, а утром, может, красные...“

На дороге грохнул выстрел, другой... и пошло.

„С обозниками,—догадался он.—Скорей надо, а тут на-ко: без пути“.

Но лес поредел вскоре, и под ногами у него снова очутилась дорога. Жиган вздохнул и бегом пустился дальше. Не прошло и двадцати минут, как рысью прямо навстречу ему вылетел торопившийся куда-то отряд. Не успел он опомниться, как оказался окружённым всадниками. Повёл испуганными глазами. И чуть не упал со страху, увидав среди них Головню. Но то ли потому, что тот всего раз или два встречал Жигана, потому ли, что не ожидал наткнуться здесь на мальчугана, или наконец, может быть потому, что принялся подтягивать подпругу у плохонького, наспех наложенного седла, только Головень не обратил на него никакого внимания.

— Хлопец, — спросил его один, грузный и с большими седоватыми усами, — тебя куда дьявол несёт?

— С хутора... — начал Жиган. — Корова у меня... чёрная, и пятна на ей...

— Врёшь! Тут и хутора никакого нет.

Испугался Жиган ещё больше и ответил, запинаясь:

— Да не тут... А как стрелять начали, испугался я и убежал.

— Слышали? — перебил первый. — Я ж говорил, что где-то стреляют.

— Ей-богу, стреляли, — заговорил быстро, начиная о чём-то догадываться, Жиган, — на Никольской дороге. Там Козолупу мужики продукт везли. А Лёвкины ребята на них напали.

— Как напали?! — гневно заорал всадник. — Как они смели!

— Ей-богу, напали... Сам слышал: чтоб, говорят, сдохнуть Козолупу... Жирно с него... и так обжирается, старый чорт...

— Слышали?! — заревел зелёный. — Это я обжирюсь?

— Обжирается, — подтвердил Жиган, у которого язык заработал, как мельница. — Если, говорят, сунется он, мы напомним ему... Мне что? Это всё ихние разговоры.

Жиган готов был выпалить ещё не один десяток обидных для достоинства Козолупа слов, но тот и так был взбешён до крайности и потому рявкнул грозно:

— По коням!

— А с ним что? — спросил кто-то, указывая на Жигана.

— А всыпь ему раз плетью, чтобы не мог впредь такие слова слушать.

Ускакал отряд в одну сторону, а Жиган, получив ни за что ни про что по спине, помчался в другую, радуясь, что ещё так легко отделался.

„Сейчас схватятся, — подумал он на бегу. — А пока разберутся, глядишь — и ночь уже“.

Миновали сумерки. Высыпали звёзды, спустилась ночь. А Жиган то бежал, то шёл, тяжело дыша, то изредка останавливался — перевести дух. Один раз, заслышав мерное бульканье, отыскал в темноте ручей и хлебнул, разгорячённый, несколько глотков холодной воды. Один раз шархнул испуганно, наткнувшись на сиротливо покривившийся придорожный крест. И понемногу отчаяние начало овладевать им. Бежишь, бежишь, и всё конца нету. Может, и сбился давно. Хоть бы спросить у кого.

Но не у кого было спрашивать. Не попадались на пути ни крестьяне на ленивых волах, ни косари, приютившиеся возле костра, ни ребята с конями, ни запоздалые прохожие из города. Пуста и молчалива была тёмная дорога. И только соловей во-всю насвистывал, только он один не боялся и смеялся звонко над ночными страхами притихшей земли.

И вот в то время, когда Жиган совсем потерял всякую надежду выйти хоть куда-либо, дорога разошлась на две. „Ещё новое! Теперь-то по какой?“ И он остановился.

Го-го... донеслось до его слуха негромкое гоготанье. „Гуси!“ чуть не вскрикнул он. И только сейчас разглядел почти что перед собою, за кустами, небольшой хутор.

Завыла отчаянно собака, точно к дому подходил не мальчуган, а медведь. Захрюкали потревоженные свиньи, и Жиган застучал в дверь.

— Эй! Эй! Отворите!

Сначала молчанье. Потом в хате послышался кашель, возня, и бабий голос проговорил негромко:

— Господи, кого же ещё-то несёт?

— Отворите! — повторял Жиган.

Но не такое было время, чтобы в полночь отворять всякому. И чей-то хриплый бас спросил спросонок:

— Кто там?

— Откройте! Это я, Жиган.

— Какой ещё, к чорту, жиган? Вот я тебе из берданки пальну через дверь!

Жиган откатился сразу в сторону и, сообразив свою оглошность, завопил:

— Не жиган! Не жиган... Это прозвище такое... Васькой зовут... Я ещё малый... А мне дорогу б спросить, какая в город.

— Что с краю, та в город, а другая в Поддубовку.

— Они ж обе с краю!.. Разве через дверь поймёшь!

Очевидно раздумывая, помолчали немного за дверью.

— Так иди к окошку, оттуда покажу. А пустить... н-ет! Мало что маленький. Может, за тобою здоровый битюг сидит.

Окошко открылось, и дорогу Жигану показали.

— Тут недалече, с версту всего. Сразу за опушкой.

— Только-то!—И, окрылённый надеждой, Жиган снова пустился бегом.

* * *

На кривых улочках его сразу же остановил патруль и показал штаб. Сонный красноармеец ответил нехотя:

— Какую ещё записку! Приходи утром.—Но, заметив крестики спешного аллюра, бумажку взял и позвал:—Эй, там!.. Где дежурный?

Дежурный посмотрел на Жигана, развернул записку и, заметив в левом углу всё те же три загадочные буквы „Р. В. С.“ сразу же подвинул огонь. И только прочитал — к телефону: „Командира!.. Комиссара!“, а сам торопливо заходил по комнате.

Вошли двое.

— Не может быть!—удивлённо крикнул один.

— Он!.. Конечно, он!—радостно перебил другой.—Его подпись, его бланк. Кто привёз?

И только сейчас взоры всех обратились на притихшего в углу Жигана.

— Какой он?

— Чёрный... в сапогах... и звезда у его прилеплена, а из неё красный флажок.

— Ну да, да, орден!

— Только скорей бы,—добавил Жиган,—светать скоро будет. А тогда бандиты... убьют, коли найдут.

И что тут поднялось только! Забегали все, зазвонили телефоны, затопали кони. И среди всей этой суматохи разобрал утомлённый Жиган несколько раз повторявшиеся слова: „Конечно, армия!.. Он!.. Реввоенсовет!“

Затрубила быстро-быстро труба, и от лошадиного топота задрожали стёкла.

— Где?—Порывисто распахнув дверь, вошёл вооружённый маузером и шашкой командир.—Это ты, мальчуган?.. Васильченко, с собой его, на коня... .

Не успел Жиган опомниться, как кто-то сильными руками поднял его с земли и усадил на лошадь. И снова заиграла труба.

— Скорей!—повелительно крикнул кто-то с крыльца.—Вы должны успеть!

— Даёшь!—ответили эхом десятки голосов.

Потом:

— А-аррш!

И, сразу сорвавшись с места, врезался в темноту конный отряд.

* * *

А незнакомец и Димка с тревогой ожидали и чутко прислушивались к тому, что делается вокруг.

— Уходи лучше домой,—несколько раз предлагал незнакомец Димке.

Но на того словно упрямство какое нашло.

— Нет,—мотал он головой,—не пойду.

Выбрался из щели, разворошил солому, забросал ею входное отверстие и протискался обратно.

Сидели молча: было не до разговоров. Один раз только проговорил Димка, и то нерешительно:

— Я мамке сказал: может, говорю, к батьке скоро поедем; так

она чуть не поперхнулась, а потом давай ругать: „Что ты языком только напрасно треплешь!“

— Поедешь, поедешь, Димка. Только бы...

Но Димка сам чувствует, какое большое и страшное это „только бы“, и потому он притих у соломы, о чём-то раздумывая.

Наступал вечер. В сарае резче и резче проглядывала тёмная пустота осевших углов. И расплывались в ней незаметно остатки пробирающегося сквозь щели света.

— Слушай!

Димка задрожал даже.

— Слышу!

И незнакомец крепко сжал его плечо.

— Но кто это?

За деревней, в поле, захлопали выстрелы, частые, беспорядочные. И ветер донёс их сюда беззвучными хлопками игрушечных пушек.

— Может, красные?

— Нет, нет, Димка! Красным рано ещё.

Всё смолкло. Прошёл ещё час. И топот и крики, наполнившие деревеньку, донесли до сараев тревожную весть о том, что кто-то уже здесь, рядом.

Голоса то приближались, то удалялись, но вот слышались близко-близко.

— И по погребам? и по клуням?—спросил чей-то резкий голос.

— Везде,—ответил другой.—Только сдаётся мне, что скорей здесь где-нибудь.

„Головень!“ узнал Димка, а незнакомец протянул руку, и чуть заблестел в темноте холодновато-спокойный наган.

— Темно, пёс их возьми! Проканителиться из-за Лёвки сколько!

— Темно!—повторил кто-то.—Тут и шею себе сломишь! Я полез было в один сарай, а на меня доски сверху... чуть не в башку.

— А место такое подходящее. Не оставить ли вокруг с пяток ребят до рассвета?

— Оставить.

Чуть-чуть отлегло. Пробудилась надежда. Сквозь одну из щелей видно было, как вспыхнул недалеко костёр. Почти что к самой заваленной двери подошла лошадь и нехотя пожевала клоч соломы.

Рассвет не приходил долго. Задрожала наконец зарница, помутнели звёзды.

Скоро и обыск. Не успел или не пробрался вовсе Жиган.

— Димка,—шопотом проговорил незнакомец,—скоро будут искать. В той стороне, где обвалились ворота, есть небольшое отверстие возле земли. Ты маленький и пролезешь... Ползи туда.

— А ты?

— А я тут... Под кирпичами, ты знаешь где, я спрятал сумку, печать и записку про тебя. Отдай красным, когда бы ни пришли. Ну, уползай скорей!—И незнакомец крепко, как большому, пожал ему руку и оттолкнул тихонько от себя.

А у Димки слёзы подступили к горлу. И было ему страшно, и было ему жалко оставлять одного незнакомца. И, закусив губу, глотая слёзы, он пополз, спотыкаясь о разбросанные остатки кирпичей.

Тара-та-тах!—прорезало вдруг воздух.—Тара-та-тах! Бабах!.. Тиу-у, тиу-у...—взвизгнуло над сараями.

И крики, и топот, и зазвеневшее эхо от разряжённых обойм „люисов“—всё это так внезапно врезалось, разбило предрассветную тишину и вместе с ней и долгое ожидание, что не запомнил и сам Димка, как очутился он опять возле незнакомца. И, не будучи более в силах сдержаться, заплакал громко-громко.

— Чего ты, глупый?—радостно спросил тот.

— Да ведь это же они...—отвечал Димка, улыбаясь, но не переставая плакать.

И ещё не смолкли выстрелы за деревней, ещё кричали где-то, когда затопали лошади около сараев. И знакомый задорный голос завопил:

— Сюда! Зде-есь!

Отлетели снопы в сторону. Ворвался свет в щель. И кто-то спросил тревожно и торопливо:

— Вы здесь, товарищ Сергеев?

И народу кругом сколько появилось откуда-то—и командир, и комиссар, и красноармейцы, и фельдшер с сумкой! И все гоготали и кричали что-то совсем несуразное.

— Димка,—захлёбываясь от гордости, торопился рассказать Жиган,—я успел... назад на коне летел... И сейчас с зелёными тоже схватился... в самую гущу... Как рубанул одного по башке, так тот и свалился!..

— Ты врешь, Жиган... Обязательно врешь... У тебя и сабли-то нету,—ответил Димка и засмеялся сквозь не высохшие ещё слёзы.

* * *

Весь день было весело.

Димка вертелся повсюду. И все ребятишки дивились на него здорово и целыми ватагами ходили смотреть, где прятался беглец, так что к вечеру, как после стада коров, намята и утоптана была солома возле логова.

Должно быть, большим начальником был недавний пленник, потому что слушались его и командиры и красноармейцы.

Написал он Димке всякие бумаги, и на каждую бумагу печать

поставили, чтобы не было никакой задержки ни ему, ни матери, ни Топу до самого города Петрограда.

А Жиган среди бойцов чортом ходил и песни такие заворачивал, что только ну! И хохотали над ним красноармейцы и тоже дивились на его глотку.

— Жиган, а ты теперь куда?

Остановился на минуту Жиган, как будто лёгкая тень пробежала по его маленькому лицу, потом головой тряхнул отчаянно:

— Я, брат, фьи-ить! Даёшь по станциям, по эшелонам. Я сейчас новую песню у них перенял:

Ночь прошла в полевом лазарети:
День весенний и яркий настал,
И при солнечном, тёплом расвете-ти
Молодой командир умирал...

Хорошая песня! Я спел — гляжу: у старой Горпины слёзы катятся. „Чего ты, — говорю, — бабка?“ — „Та умирал же!“ — „Э, бабка, дак ведь это в песне“. — „А когда б только в песне, — говорит, — а сколько ж и взаправду“. Вот в эшелонах только, — добавил он, запнувшись немного, — некоторые из товарищей не доверяют. — „Катись, — говорят, — колбасой. Может, ты шантрапа или шарлыган. Украдёшь чего-либо“. Вот кабы и мне бумагу!

— А давайте напишем ему, в самом деле, — предложил кто-то.

— Напишем, напишем!

И написали ему, что „есть он, Жиган, не шантрапа и не шарлыган, а элемент, на факте доказавший свою революционность“, а потому „оказывать ему, Жигану, содействие в пении советских песен по всем станциям, поездам и эшелонам“.

И много ребят подписалось под той бумагой — целые пол-листа да ещё на обратной. Даже рябой Пантюшкин, тот, который ещё только на прошлой неделе писать научился, вычертил всю фамилию до буквы.

А потом понесли к комиссару, чтобы дать печать. Прочитал комиссар.

— Нельзя, — говорит, — на такую бумагу полковую.

— Как же нельзя? Что, от ней убудет, что ли? Приложите, пожалуйста. Что же, даром, что ли, старался мальиш?

Улыбнулся комиссар:

— Этот самый с Сергеевым?

— Он, язвы его шельма.

— Но уж в виде исключения... — И тиснул по бумаге.

Сразу же на ней РСФСР, серп и молот — документ.

И такой это вечер был, что давно не запомнили поселяне. Уж

чего там говорить, что звёзды, как начищенные кирпичом, блестели или как ветер густым настоем отцветающей гречихи пропитал всё. А на улицах что делалось! Высыпали как есть все за ворота. Смеялись красноармейцы задорно, визжали дивчата звонко. А лекпом Придорожный, усевшись на митинговых брёвнах перед обступившей его кучкой, наигрывал на двухрядке.

Ночь спускалась тихо-тихо; зажглись огоньками разбросанные домики. Ушли старики, ребятишки. Но долго ещё по залитым лунным светом улочкам смеялась молодёжь. И долго ещё наигрывала искусно лекпомова гармоника и спорили с ней переливчатыми посвистами соловьи из соседней прохладной рощи.

А на другой день уезжал незнакомец. Жиган и Димка провожали его до поскотины. Возле покосившейся загородки он остановился. Остановился за ним и весь отряд.

И перед всеми солдатами незнакомец крепко пожал руки ребятишкам.

— Может быть, когда-нибудь я тебя увижу в Петрограде,— проговорил он, обращаясь к Димке.— А тебя...— и он запнулся немного.

— Может, где-нибудь,— неуверенно ответил Жиган.

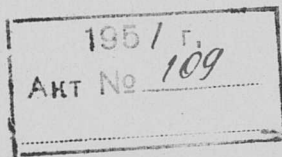
Ветер чуть-чуть шевелил волосы на его лохматой головёнке. Худенькие руки крепко держались за перекладыны, а большие, глубокие глаза уставились вдаль, перед собой...

На дороге чуть заметной точкой виднелся ещё отряд. Вот он взметнулся на последнюю горку возле никольского оврага... скрылся. Улеглось облачко пыли, поднятое копытами над гребнем холма. Проглянуло сквозь него поле под гречихой, и на нём—больше никого.

* * * *

Ант уты яснгыт памтыпсы.

бузина́ там пасяр хорасып юх
востóтыт (зелёные) контрреволюционной бандитыт, хой гражданской
тять пораны Украина вошит па куртыт грабитсыт
гайдама́ки там украинской новы мир отрядыт, хой есят мунг Вурты
Армияев тятисыс
дезертёр хонтамась, хой военной служба эвыт хонтат па армияя вуты
вер эвыт ханятытл
жигáн там симись хоят, хой тэпытысытман утл
моска́ль тамиты русь ёх Украинаны нэмтытсаит
петлю́ровцы—там украинской новы мир отрядыт, хой есят мунг Вурты
Армияев тятисыс
подрясник пуп ики ётн тайты сах
эшелóн поезда тэттым воинской часть
фля́га пантны туттиты йингк понты тыпи сох.

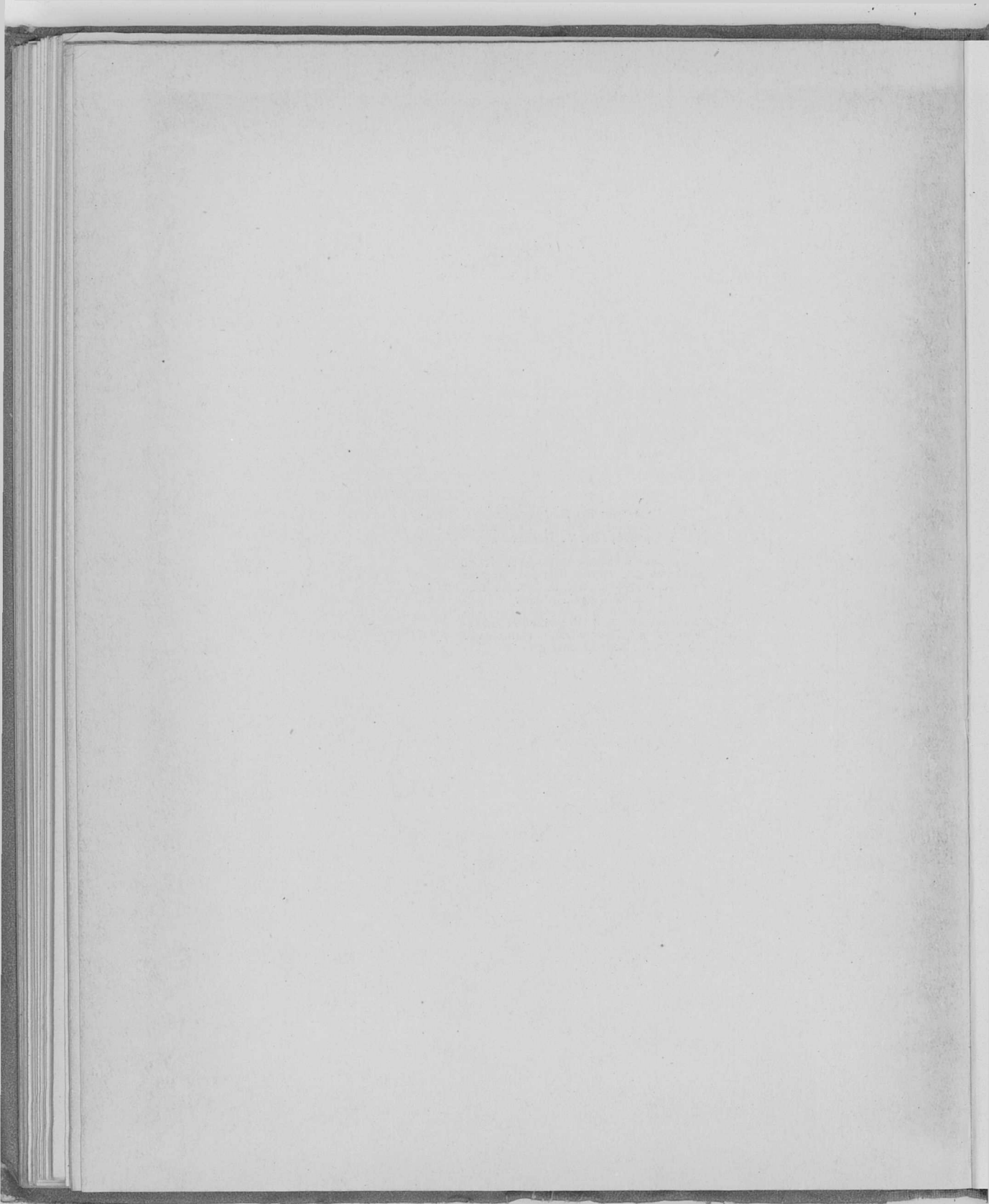

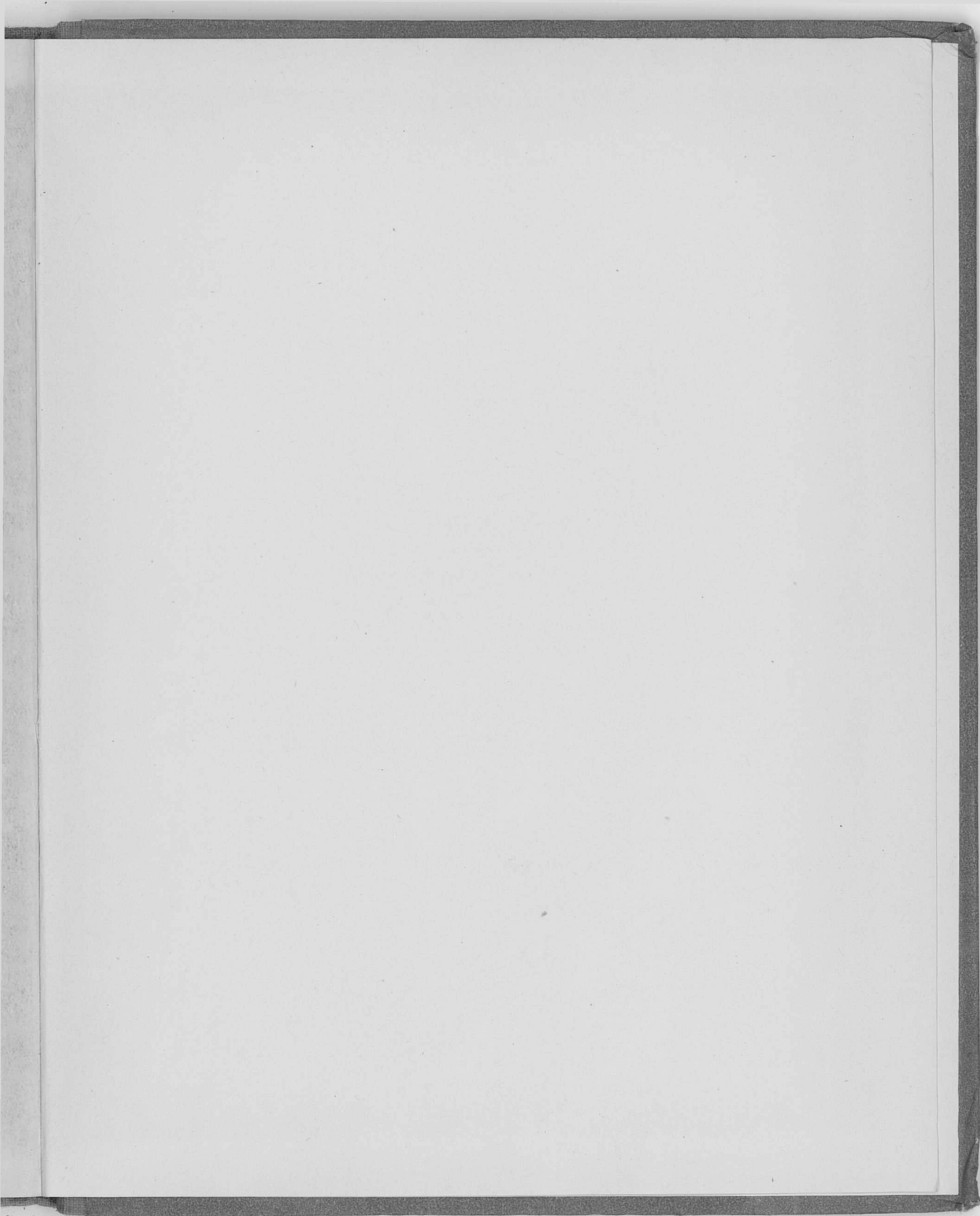
Инт. н 92

Редактор: *Ю. Н. Русская*
Техн. редактор: *А. М. Гурджиева*
Корректор: *М. Г. Дешалыт*

Подписано к печати 9|VIII-50 г. М27200
Заказ № 831. Тираж 1000 экз. Формат
бумаги 70×92¹/₁₆. Печ. л. 6,73. Уч.-изд.
л. 4,67. Бум. л. 2,88.

Типография № 3 Управления изда-
тельств и полиграфии Исполкома
Ленгорсовета

Цена 2 руб. 35 коп.

19003

Хэнт
3-36

А. ГАЙДАР
Р. В. С.
на хантыйском языке